

ДРУЖБА НАРОДОВ 8/2014

ГОД ИЗДАНИЯ 75-й

8'2014

- *Барбара Пим*
Замечательные женщины
Роман. С английского
- *Глупости́хия*
Стихи. С английского
- *Россия—XXI:*
жизнь по законам культуры
Заочный «круглый стол»
- *Светлана Лурье*
Судьбы двух империй
- *Ольга Балла*
Империи:
от рождения до смерти

Россия—XXI: жизнь по законам культуры

В заочном «круглом столе» принимают участие Алексей ВАРЛАМОВ, Игорь ВОЛГИН, Чингиз ГУСЕЙНОВ, Борис ДУБИН, Инна КАБЫШ, Юрий КАГРАМАНОВ, Афанасий МАМЕДОВ, Александр МЕЛИХОВ, Андрей СТОЛЯРОВ, Максим ШЕВЧЕНКО

Может показаться, что в условиях постимперского идейного вакуума и угрозы нового передела мира говорить о том, что жизнь российского государства выстраивает культура — такая же утопия, как уповать на то, что красота спасет мир. И все же убеждены: в такие времена тем более стоит помнить о гуманистических традициях и задачах культуры, о значимости образования, о роли элит и сфере влияния и ответственности государства в этой сфере. Тем более, что есть серьезный повод для разговора — вынесенный на широкое общественное обсуждение проект «Основ государственной культурной политики».

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?
2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.
3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.
4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?
5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

*Алексей Варламов, писатель,
главный редактор журнала «Литературная учеба»*

«Подняться над схваткой культуре не удастся»

1. Надо разобраться, хорошо это или плохо, что государство пытается вмешиваться в культуру. Мы жили в эпоху очень сильного вмешательства в культуру, помним времена, когда государство умыло руки. Что из этого предпочтительнее, и как бы нам не начать наступать на старые грабли. "Основы" по крайней мере не дают серьезных поводов для тревожных настроений, что возвращаются советские времена в буквальном смысле этого слова. Хотя многие их возвращения желали бы — но я себя к их числу не отношу. Но опять же написанные в документе слова — это одно, при том что написано красиво, не шаблонно, а их осуществление на деле — другое. Многое зависит от того, кто лично будет этим заниматься. И здесь, я думаю, нам всем очень повезло с автором этого проекта — точнее, там была целая группа, но один человек взял на себя ответственность за этот документ — Владимиром Толстым. Это фигура объединяющая, глубокая, что для нашей сегодняшней ситуации чрезвычайно важно.

Дополнил бы я этот документ двумя вещами, имеющими отношение к литера-

туре, поскольку мне это ближе: а именно — государство должно содействовать продвижению литературы в СМИ и прежде всего, на федеральных каналах. И второе — еще раз подчеркнуть необходимость обязательного неформального преподавания литературы в школах и вузах. Без этого все разговоры о продвижении чтения так и останутся разговорами.

2. На первый взгляд, очевидно — хранить вечные ценности. Но это только на первый взгляд. Я приведу конкретный пример, имеющий отношение к нынешней ситуации на Украине и нашему новому славянскому кризису. Ровно 14 лет тому назад я участвовал в очень масштабной культурной акции под названием "Литературный экспресс—2000". Сто писателей из всех стран Европы в течение полутора месяцев ехали на поезде от Лиссабона до Москвы. Встречи, дискуссии, презентации, «круглые столы», конечно, общение, формальное и нет. За полтора месяца друг друга узнали, полюбили или не полюбили, но в общем было здорово. Был только один очаг ненависти. Украинских писателей по отношению к России. Уже тогда, когда и про Путина еще толком никто ничего не знал. Вот эта не слепая, а зрячая ненависть ко всему русскому, к языку, к нашему народу, к нашей истории, которая мне была непонятна, дика — мы-то к ним так не относились, мы не понимали, за что, — но это было. И сегодня эти деятели культуры (кому любопытно имена — поройтесь в интернете, но скажу, что там были, в том числе, и авторы журнала "Дружба народов") закономерно собирают плоды своей политики, а мы — отсутствия оной на территории бывшего Союза. Надо признать свое культурное поражение. Можно сколько угодно петь им песни про братство и общечеловеческие ценности — они свой выбор давно сделали и едва ли от него откажутся. А что остается делать нам? Тоже делать свой выбор, и он будет у каждого свой. События последних месяцев сильно нас переменяли, одно для меня очевидно — глобализация проваливается, космополитизм отступает, и культура неизбежно становится более национальной, отечественной, почвенной. Подняться над схваткой ей не удастся.

3. Красивые слова, которые очень трудно наполнить сегодня реальным содержанием. Мы уже объявляли себя новой исторической общностью — советским народом и свято в это уверовали, хотя в реальной жизни все трещало по швам. Так и сегодня — главное смотреть реальности в глаза и не выдавать желаемое за действительное. Да, культура что-то может сделать для смягчения нравов, но она нуждается в помощи, в умной защите, в сбережении — но не опеке. И здесь как раз государство может сказать свое слово. Надо финансировать переводы, фильмы, театральные постановки, фестивали, не жалеть телевизионного времени на их освещение, но не действовать по принципу: кто платит — тот заказывает музыку. Культура — особа обидчивая.

4. Это формулировка, которая даже лексически пугает. Приоритетный статус в социуме. Впору согласиться с запретом на иностранные слова. Но если все-таки попытаться ответить. Ну вот вырубил вы вишневый, допустим, сад. И никому до этого не было дела. А теперь новому владельцу надоело играть в дачи, собирать деньги или еще что-то и захотелось, чтобы снова сад белел цветами в майские утренники. Чтобы вишню сушили, мариновали, продавали. И он ставит перед вами задачу — сделайте мне сад к следующему году, а не сделаете — я вас уволю и наберу новую команду. Так вот надо честно сказать — к следующему году не будет. И через два не будет, и через три. Но если сегодня посадить, если начать вкладываться и ждать, тогда лет через пятнадцать-двадцать что-то получится. То есть сразу определиться — это долгоиграющая пластинка. Ни годом культуры, ни годом литературы мы ничего не решим. Но это не значит, что не надо ничего делать. Учиться терпеть и ждать — вот что надо.

5. Я думаю, это вопрос — даже по формулировке — больше к специалистам, профессионалам. Они знают или должны знать, как это делать. А писатель — если пригласят выступить — пусть не оказывается прийти и хотя бы не говорит глупостей. Я всегда об этом думаю.

Игорь Волгин, писатель, историк

Потенциал спасения

1. Цель у такой политики одна: создать максимальные возможности для того, чтобы Homo sapiens был не только разумным, но и культурным (хотя «в идеале» это должно совпасть). То есть внешние условия, создаваемые государством, как бы «провоцируют» внутренние духовные движения — как в обществе, так и, желательно, в отдельном человеческом существе. Дело не только в финансировании (хотя, разумеется, это очень серьезный момент), но и в том, чтобы власть оказалась «продвинутой», интеллектуальной и главное — говорящей с культурой на ее собственном языке. В «Основах», на мой взгляд, наиболее важно то, что впервые культура официально провозглашается фундаментом и двигателем национальной жизни. Вопрос в том, как эта замечательная концепция будет реализована на практике.

2. Как сказал поэт — относительно поэзии:

Спасибо, что возможность мне дала,
Блуждая в элегическом тумане,
Не вмешиваться в грязные дела
И не бороться за существованье.

У культуры только одна единственная задача: оставаться самой собой. Только тогда она может глубинно влиять на все происходящее в мире. Более того, именно она обладает «потенциалом спасения», именно она способна стать регулятором мирового процесса. Отступая от себя или изменяя себе, культура становится внекультурна. Она — цель, а не средство. Как только культура становится средством, ее статус меняется.

3. Тут все очень просто: всем детям нужно читать одни и те же (желательно хорошие) книжки и постоянно пребывать в насыщенном и, не побоюсь этого слова, благородном духовном поле. И у них, детей, обязательно должны наличествовать талантливые учителя. Тогда ничего не надо «формировать», все и так образуется. Вы скажете, это недостижимая мечта. Но вообще-то культура есть сумма некоторых идеалов, а в известном смысле, пожалуй, и грез.

4. Тут никто ничего «обеспечить» не может. Правда, государство способно — в силу своих возможностей — споспешествовать тому, чтобы человек, не владеющий культурными кодами, не имел бы никаких социальных привилегий и личных перспектив.

Приоритеты не «назначаются», а, так сказать, присутствуют в самой общественной атмосфере. Само общество вырабатывает систему предпочтений. В иных случаях (что мы неоднократно и наблюдаем) эта система может быть ужасна. «Неграмотные вынуждены диктовать», — говорит Ежи Лец. Понятно, что они надиктуют.

5. Пока, если судить по «промежуточным» результатам, так называемая модернизация не принесла волшебных яблок. Но это как раз следствие общего падения культуры. Ни одна реформа, прежде всего, в области науки и образования, не доведена до конца. Более того, идет игра на понижение. Мы получаем на выходе все менее качественный культурный продукт — это, увы, относится и к людям. Такое положение грозит потенциальным Чернобылем — как в духовной, так и в чисто технологической сферах. Эйнштейн, заметивший, что Достоевский дает ему больше, чем Гаусс, отнюдь не шутил.

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

Чингиз Гусейнов, писатель, культуролог

«Легко манипулировать сознанием людей полуграмотных»

1. Говоря о культурной политике, я имею в виду, что в ней наличествуют, не только, условно говоря, аспекты организационно-управленческий, правовой, финансовый, которые и следует рассматривать в качестве целей государственного культурного строительства (тут я не компетентен), но и аспект содержательный. В широком плане — это функции собственно культурной деятельности, которые не должны регламентироваться, обозначаться, а тем более определять политику в области культуры, ибо это — идеология, и любая попытка сформулировать в этом плане политику — есть стремление к ограничению культурной деятельности, сведению ее лишь к пропаганде и воспитанию.

Культура — это необходимая для развития общества естественная потребность языком искусства осмыслить, понять, познать, отразить происходящее в душах людей, в жизни общества, страны и мира, это зеркало, в котором — такова природа искусства во все времена и эпохи — отражается все и вся в обществе, независимо от желания верхов или низов, от воли какой бы то ни было инстанции или идеологии. И тут государство не должно вмешиваться в содержание и форму, роды, виды, стили и иные аспекты деятельности в сфере культуры. В просторечии это называется «не мешать культуре», или иначе: не выхолащивать изначально заложенное в ее арсенале критическое, страшно сказать, оппозиционное ядро, коим и прославилась в веках художественная культура не только в России, но и во всем мире.

Кто знает, может, ограничения, порождающие «вопреки», в большей степени, нежели «благодаря», способствуют развитию культуры? Помнится, кто-то из классиков сравнивал художника-писателя с пчелой: он творит с той же необходимостью, как пчела производит мед. Я бы провел аналогию с рыбой-осетром: действенное проявление ее природы — метать икру, преодолевая препятствия, и, реализуя себя, погибнуть... Впрочем, израильтяне придумали: помогают рыбе путем операции избавиться от ноши, затем аккуратно зашивают разрез и пускают рыбу в воду, чтобы продолжала «творить». Вот так бы и с Законом о культуре (плодим и плодим Законы, а это время + люди + деньги), когда все, что надо, прописано в Основном Законе, в Конституции: талантам — действительно реализовать призвание, им виднее, о чем и как говорить, ибо такова их природа, а ведомствам культуры — не регламентировать творческий процесс, не мешая ему, организационно и финансово помогать им, защищать их право на творчество, если оно... — ясно, что не выходит за рамки уголовно наказуемого.

Боязнь оппозиционности, органически присущей культуре, в частности, художественной, и есть идеологическая суть Закона.

2. Это относится к культуре, понимаемой расширительно, как область всего и вся в обществе (деятельность политическая, социальная, судебно-правовая, экономическая, научно-образовательная, сеть СМИ и прочее).

3. Об этом говорено много и правильно в советском прошлом и российском настоящем, это, так сказать, азбучные идеалы Свободы, Равенства и Братства, но

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

слова не стали и не становятся, особенно сегодня, руководством к действию в условиях насаждаемой ныне в многонациональной и поликонфессиональной стране разрушающей ее, самоубийственной для нее этно-религиозной иерархии.

4. Для этого она должна быть правдивой. Конфликтной по отношению к расхожим представлениям. Должна будить и будоражить общество сверху донизу. Быть бесстрашной в борьбе с мнением большинства... Парадоксально: но даже в Коране Всевышний многократно говорит пророку: «Не следуй за мнением большинства, оно, как правило, ошибочное!» Кстати, Пушкин и Гоголь... — имена тут можно называть от А до Я — этому следовали. При этом сознательно не употребляю такие отброшенные ныне понятия, как душа, совесть, грех.

5. Скажу об одном, но самом главном: ширить, а не ограничивать такую сферу образования как обучение людей с детства глубинам языка, этой таинственной сферы в человеческой жизни. Только язык (никаких иных средств не придумано) формирует сущность человека, его дух, этику, мораль, позволяет понять мир, служит самопознанию. Легко манипулировать сознанием людей полуграмотных, а уж тем более преступно превращать язык в инструмент утаивания истины, приучать язык ко лжи. Это — путь к разрушению в человеке нравственного стержня, а следовательно — и самого человека.

P.S. Вынужденный рассуждать в рамках заданных вопросов, я понимал, что в конечном счете будет принят — хотел бы ошибиться! — закон, изначально задуманный по духу и направленности как ограничительный, в угоду интересам властных структур, озабоченных трудноразрешимыми внутренними и внешними проблемами. Хотя он вряд ли сможет помешать истинной, то есть служащей правде культурной деятельности, никаким законам не подвластной, имеющей богатую мировую историю с традициями, уроками и опытом, в том числе, и в России тоже.

Борис Дубин, социолог, переводчик

«Проблема не в идеологии, а в практической работе»

1. Нынешний проект — документ сугубо идеологический. Главный субъект тут, естественно, государство, это оно «создало великую культуру». На последующих страницах идет апелляция к таким идеологическим (мифологическим) целостностям, как народ, нация (вариант — «многонациональный народ»), их самобытность. Задача — единство страны, его выражение — общенациональная идеология, в основе которой патриотизм, они необходимы, поскольку в мире вокруг идет снова обострившаяся «идейно-информационная конкуренция». Важнейшее значение, соответственно, приобретают институты воспроизводства культуры — система образования и воспитания, подчиненные их задачам музеи, библиотеки и др., поскольку ведущие функции культуры — «воспитательная и просветительская». Эту идеологию я не разделяю, стремлению нынешнего российского государства (как, впрочем, и прежнего советского) руководить культурой, да и вообще каким бы то ни было живым делом, ни в малой мере не симпатизирую. Высказанные здесь идеи относятся к периоду раннего Просвещения, к ним вполне эпигонским образом присоединены некоторые

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

соображения славянофильства (то есть, националистической реакции на Просвещение), и все это положено на исключительно государственническую основу (вообще говоря, государственничество как идеология — а в России это державничество — находится в весьма напряженных отношениях и с Просвещением, и с национализмом, но нынешних идеологов, как и сверхавторитетного для них И.Ильина, это не смущает). При этом документ этот явно предназначен для «своих» и как будто предполагает некие реформы, перекройки и подвижки, корректировки и уточнения компетенций, функций и проч. соответствующих министерств и ведомств, но, в соответствии с новейшей традицией «открытых линий», демонстративно выносятся для обсуждения на миру.

2. Как социолог-эмпирик я, вместе с ближайшими коллегами, знаю, в каком положении находятся сегодня в России институты воспроизводства и передачи, в том числе — межпоколенческой трансляции — тех или иных образцов культуры. Школа — и средняя и высшая — практически целиком огосударствлены и уже длительное время, несколько десятилетий, пребывают в распаде и неопределенности. В театрах, музеях, концертных залах с частотой хотя бы раз в месяц бывает сегодня 4-5% российского населения, в кинотеатрах — до 15% (и это показатель лишь самых последних двух-трех лет, а до конца нулевых данные были примерно такими же, как по театрам, музеям и концертам). Читают книги и журналы хотя бы раз в неделю до 30% взрослых россиян, не читают ни тех, ни других до половины взрослого населения; в библиотеках (они тоже практически целиком остались государственными) хотя бы раз месяц бывают 6-7% взрослых жителей страны. При этом ежедневно пользуются интернетом 40%, хотя бы раз в неделю — трое из пяти. Телевизор же практически каждый день смотрят 80% россиян. Приоритеты населения очевидны; в какой мере они сложились под воздействием того же государства — обсуждать сейчас не буду, скажу лишь одно: в решающей.

3. Пространство для архитектора — это возможность строить. Культура для людей культуры — возможность реализоваться, воплотить то, что они считают жизненно важным. Может государство, то есть официальные организации и служащие в них люди этому воплощению помочь — спасибо, все остальное — решительно не их дело. Рабочих путей здесь два: как ни парадоксально, максимальная помощь людям и группам людей в их самоосуществлении при максимальном же разгосударствлении всего, что относится к управлению этими людьми. Вполне достаточно, чтобы государство — то есть, служащие, временно и условно нанятые на наши же с вами деньги, — занимались своей собственной организацией, оптимизировали ее и ни в коей мере не пытались организовать еще кого-то, — к чему такая организация всего и вся приводит, мы не раз видели и опять видим сейчас. В комментариях к опубликованному в «Российской газете» документу доброхот советует внести в него еще: 1. Любовь к Богу; 2. Любовь к Родине; 3. Любовь к близким. Вот-вот, ужо дождемся...

4. Перед названным «двойным путем» есть несколько задач, особенно острых именно для России. Это ее центр-периферийный раскол, разлом на столицу и провинции (ничего «цивилизационного» тут нет, всего лишь российско-советское наследие, и весьма печальное) плюс региональное разнообразие (неравномерность развития и лоскутность существования). Еще раз напомним: максимизация помощи «на местах» и максимум децентрализации в управлении. А для самих людей культуры — умножение независимых субъектов (групп, аудиторий, точек на карте) плюс укрепление коммуникаций между ними (интереса, взаимодействий, связей — вековая российская проблема дорог).

5. То же, понятно, относится к культурам иных народностей России, кроме русских: нынешняя смесь равнодушия, презрения и открытого шовинизма по отно-

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

шению к ним со стороны русского большинства (а в немалой степени и людей культуры) — еще одна отвратительная великодержавная «традиция». По официальным данным, в России сейчас до 20% жителей принадлежат к нерусским национальностям, эта доля вдвое больше, чем аналогичные официальные показатели по Германии, Великобритании, Франции. Тем не менее, в России мы не найдем ничего похожего на афганско-пакистанско-индонезийско-африканское британское кино, албанско-венгерско-румынско-турецкую литературу в Германии, североафриканскую или вест-индскую словесность во Франции с их множеством фондов поддержки, фестивалей, премий, стипендий и проч. (посмотрите на списки лауреатов крупнейших национальных и международных художественных премий в Европе и мире за последние годы, — вот он, результат соответствующей культурной политики, которая, кстати, делает, среди прочего, названные страны притягательными для людей других языков и культур). И нет там, как правило, насколько я знаю, никаких громогласных общенациональных проектов культурной политики и всенародных их обсуждений, а вот дело и его результаты — явственно есть.

6. Короче говоря, проблема совершенно не в идеологии, тем более — доминирующей или единой (уж в России ли это не знать — неужто было мало?), а, прошу прощения за трюизм еще чеховских времен, в работе, активной, разнообразной и практической. И, понятно, в дефиците работников и их рабочих союзов при очевидном разрастании сословия управленцев.

Инна Кабыш, поэт, преподаватель литературы

Дело за делателями

1. Главных целей государственной культурной политики, на мой взгляд, три (кстати, к моему удовлетворению, я все три нашла в новом проекте): это, во-первых, повышение статуса культуры в целом, во-вторых, усиление ее влияния на все сферы жизни и, в-третьих, восприятие культуры как инструмента передачи новым поколениям этических ценностей, как источника самоидентичности человека.

Кроме этих, есть у культурной политики и другие цели: поддержка талантов, воспитание культурного слушателя, зрителя и читателя, создание благоприятной информационной среды, наконец, воспитание мыслящей творческой личности.

Как бальзам на душу подействовала вроде бы очевидная мысль о том, что культура не является сферой услуг.

А дополнить (хотя это есть в «Основах», но я бы прописала курсивом) хотелось бы тем, что глобальная задача культуры — воспитание человека, способного отличать Добро от Зла, и еще тем, что культура должна существовать не сама по себе, не в неких «гетто» (музеях, библиотеках, театрах), а должна пронизывать жизнь, срастаться с ней, облагораживать ее, придавая ей вектор и стержень.

С последним (я имею в виду «срастаться с жизнью») у нас проблема: в России божественная культура и убогая (особенно в провинции) жизнь.

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных войн и разломов — воспитание гуманного, терпимого (или, как сейчас принято говорить, толерантного) человека.

Ведь культурный — это прежде всего неагрессивный, умеющий слышать другого человек.

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

3. Мне кажутся несостоятельными разговоры об отсутствии у современной России национальной идеи. Да, у нас сегодня нет идеи, сформулированной в виде лозунга или афоризма, вроде — «Православие, самодержавие, народность» или «Мир народам, хлеб — голодным».

Но у нас есть великая русская литература, которая сама является нашей национальной идеей.

Разве заповеди, которые со школьной скамьи (а то и с молоком матери!) входят в человека — «служить бы рад — прислуживаться тошно», «нет уз святее товарищества», «отчизне посвятим души прекрасные порывы», «но я другому отдана; я буду век ему верна» — не члены нашего Символа Веры, нашей национальной идеи?

Так что современный русский человек и оснащен, и защищен «гуманистической традицией русской культуры».

Другое дело, что он подчас «ленив и нелюбопытен».

4. Приоритетный статус культуры в социуме, по моему глубокому убеждению, обеспечивается двумя — встречаемыми — путями.

Сверху — вниманием государства к проблемам культуры и ее творцов и снизу — воспитанием в семье.

Именно семья должна закладывать отношение к культуре не как к послеобеденному десерту, а как к насущному хлебу, без которого жизнь человека если не невозможна, то, во всяком случае, ущербна.

5. Здесь я, пожалуй, ограничу себя мыслями о современной школе как о предмете, известном мне не понаслышке.

Ключевой фигурой в современной школе является учитель (не охранник и не бухгалтер). Учитель должен быть хорошо подготовлен профессионально (а ведь в последнее время сократилось количество вузов, готовящих, в частности, учителей-словесников, да и подготовка такого учителя не должна ограничиваться рамками школьной программы): он должен быть интеллектуалом.

Кроме того, его работа должна быть его призванием: учитель должен любить (и знать) культуру и детей (последних, пожалуй, даже больше).

Множественные повторения мной слова "должен" объяснимы, потому что учитель, перефразируя одного поэта, "всегда должник Вселенной", и другого — "в России больше, чем учитель".

У современного учителя двойная нагрузка: он — опять-таки! — должен окультуривать не только своих учеников, но и их родителей, так как нынешние родители — тридцатилетние люди — выросли и сформировались в лихие 90-е, когда нашему Отечеству было, увы, не до культуры.

Кроме высокого уровня профессионализма и человеческих качеств учитель должен(!) иметь современно оснащенный — экраном, компьютером, интерактивной доской — кабинет, потому что не секрет, что современный ребенок воспринимает информацию во многом глазами, а не ушами.

У учителя должна быть(!) возможность вывозить детей в музей, театр, на экскурсию, т.е. организовывать «встречу с прекрасным», не оформляя при этом тонны бумаг.

В заключение хочу сказать, что в целом проект «Основы государственной культурной политики» обрадовал широтой охвата темы и внятностью изложения.

Дело, извините за тавтологию, за делателями.

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

Юрий Каграманов, публицист, философ, культуролог

Трудная задача

Как следует из проекта «Основ», главная задача государственной культурной политики — воспитание подрастающих поколений. И это самая трудная задача.

Есть две сферы, в которых государство способно сыграть в этом смысле большую роль — школа и СМИ. Школа не может «в одиночку» слепить человека, но она может многое — при условии соответствующей высоким требованиям постановки гуманитарного образования. И в первую очередь — преподавания русской классической литературы (а в старших классах еще и начатков русской религиозной философии, не менее великой, чем литература). Распространено мнение, что ее образы уже не могут овладеть воображением подростка так, как того хотелось бы, что это всего лишь

Отзвук слабеющий
Дней незапамятных.

Думаю, что это не так. Образы, например, Гомера или Плутарха служили примером для подражания в продолжение веков и даже тысячелетий. После Второй мировой войны бывший вице-король Индии лорд Линлитгоу объяснял упадок Британской империи не столько национальными движениями в колониях, сколько упадком классического образования (включавшего изучение античной литературы) в самой Англии, которое ориентировало учащегося на высокие примеры поведения, укрепляло нравственный костяк. Убежден, что «дальнобойная» сила образов русской классической литературы нисколько не меньшая, сравнительно с античными. Тот факт, что мы живем в век невероятного технологического усложнения жизни, мало что в этом отношении меняет: человек не становится принципиально другим, разве что делается более «рассеянным» и нуждающимся во внутренней собранности.

Что касается СМИ, то здесь государство должно выступать не только как поощряющая, но и как запрещающая инстанция (последнее касается также Интернета). В наше время слово «запрет» стало гонимым, жестко привязанным к «тоталитарному прошлому». Но культура без запретов невозможна; сам «певец свободы» Пушкин считал цензуру необходимой. Распорядители СМИ взяли за правило «давать людям то, что они хотят». Чего здесь больше: цинизма или непонимания природы человека? Жозеф де Местр, стоявший (наряду с Эдмундом Берком) у истоков консервативной мысли, писал: человек — «злое, саморазрушительное существо, полное противоречивых желаний; он сам не знает, чего он хочет, хочет того, чего не хочет, и не хочет того, чего хочет». Конечно, это только половина правды о человеке, но без этой, худшей половины невысказана вся правда. Вопрос цензуры — это также вопрос добросердечия, внимания к людям. Во многих случаях им не следует давать то, чего они хотят или думают, что хотят.

И еще. Вопрос национальной самоидентификации в плане культуры становится особенно сложным, когда дело касается музыки, самой эфирной части культурной сферы. Если слово фиксирует те или иные стороны реальности и закрепляет их в сознании, то музыка, отражая реальность, в то же время ускользает от нее, «струится» над нею, неведомо откуда истекая и неведомо куда устремляясь; не помню уже, кем

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

сказано, что она есть «чувство, не доведенное до ума». Мы знаем, какую музыку предпочитает сегодня молодежь (я имею в виду не попсу, образующую просто звуковой «фон» повседневности, но более или менее качественную музыку). Не так давно я посмотрел по 1 каналу ТВ несколько передач из цикла «Голос. Дети». Подавляющая часть вокальных номеров, которые исполняли дети, была афро-американского происхождения. Поражает (по крайней мере, на мой непрофессиональный взгляд и слух) мастерство, с каким наши подростки имитируют выступления заокеанских певцов. Демонстрация нашей «всемирной отзывчивости»? Пусть так, но ее обратная сторона — забывчивость своего, отечественного. О пионере рок-н-ролла Элвисе Пресли было сказано, что это «первый белый, который чувствует, как негр». Чувствуют ли наши дети, как негры?

Андрей Белый еще в начале 20-х годов (жил тогда на Западе), когда только начинался «век джаза», писал: «Негр уже среди нас. Будем твердо: арийцами». Легко сказать «быть твердыми»; музыка афро-американского происхождения необычайно заразительна, что можно объяснить, наверное, прежде всего прочего истощением европейской почвы. Где же решение? На том же «Голосе» решение сидело в красном креслице жюри и звалось Пелагея. Эта исполнительница русских народных песен, на современный лад аранжированных, обладает не только редким голосом, но и гениальной, без преувеличения, интуицией (как ее назвать — культурологической? В ней, по ее же словам, проснулась «древняя славянская женщина», но у этой женщины тончайший слух и восприимчивость ко всему, что где-либо в мире поется и играется. Она может даже исполнить рок-н-ролл и сделает это мастерски, но при этом с едва заметным оттенком пародирования, как бы говоря: «Вот, я могу и так, и это по-своему интересно. И все-таки это не мое, не наше; хотя кое-что отсюда можно и позаимствовать». И в аккомпанементе исполняемых ею русских народных песен и романсов кое-что взято из афро-американского источника; но только в аккомпанементе. И куда девалось представление о некоторой унылости старых и особенно древних русских распевок: что бы она ни исполняла, Пелагея всегда излучает редкую в наши дни радость. Не веселость, но какую-то онтологическую радость, знающую о трагизме бытия и преодолевающую его.

Если «древняя славянская женщина» импровизирует на исполнительском уровне, то на другом уровне к онтологии музыкального чувства обращается выдающийся композитор и мыслитель-культуролог (автор нашумевшей книги «Конец времени композиторов» и других книг) Владимир Мартынов. Он выступает за возвращение к «архаическому состоянию» в музыке, в частности к православным певческим службам XVI — XVII веков, равно как и к фольклору; и к инновациям на этой основе. Но создавать «новое сакральное пространство», по Мартынову, необходимо с учетом иных культур и традиций — не только древнерусских распевок, но и григорианских хоралов, и византийского осмогласия, и даже арабских макамов; а также фольклорного наследия разных времен и народов.

Но это примеры живого творчества культуры, в котором участие государства может быть только очень скромным.

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

Афанасий Мамедов, писатель

«Культура и свобода — плоды одного дерева»

1. Чтобы ответить на этот «двойной» вопрос, самому надо поделить себя на две половины — художника и человека, гражданина своей страны. (Прошу прощения за пафос.) Художник во мне говорит, что главная цель государственной культурной политики — не мешать художнику оставаться в своей стихии. Окликнутого Богом никто из его собственной «темноты» не вытащит, не поможет ни разово, ни разом навсегда освободить из-под власти времени, научить творить и сохранять «голос». Хотя не дать загнуться в этом мире, уберечь от «клиники», наверное, государственная культурная политика может и должна. Тут в памяти незамедлительно всплывают два примера — один «царскосельский», итогом которого явилась «серебрянечная» культура, другой — пример из недавнего прошлого со знаком «сделано в СССР». Как создавалась культура в советские времена, я, как мне кажется, представление имею, и петь осанну тому времени у меня нет никакой охоты. Иными словами, хотел бы напомнить себе и другим — бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Взяв художника под свою опеку, государство, чиновники не должны решать, кто является подлинным демиургом, Фадеев или Булгаков с Платоновым.

Теперь право голоса — гражданину. Мне кажется, это проект очень своевременный. За время относительной свободы, которую мы завоевали в 1991 году (не только интеллигенция, но и все, кто не пожелал плестись в пыльном стаде в никуда), мы увидели мир справа и слева от себя, и поняли, что никак не хуже, что у нас есть своя история, что она началась не вчера, что ею можно не только гордиться, она может и государственной политике задать нужное направление. Правда, с одним условием: если из нее сделать правильные выводы. Мне нечего добавить в предлагаемые «Основы», проект должен был бы появиться еще вчера.

2. В условиях информационных войн человек без культуры, без памяти, без бэкграунда является совершенной марионеткой. Только знание собственной истории и культуры играют тут роль «флэш-памяти». Именно поэтому все тираны начинали свое правление с фальсификации истории и попыток подчинить себе культурную элиту. Рассуждая о задачах культуры в современном мире, вспоминаешь максиму Поля Валери, многое предвидевшего, включая и фашизм, и эпоху «материнских плат»: «Самое лучшее в новом — то, что отвечает старым устремлениям». «Старое устремление» по Валери — это сохранение влияния культуры даже в тех обстоятельствах, когда это, казалось бы, невозможно, когда человек начинает исчерпываться насущными заботами и страхом за свое будущее. Все остальное — лишь способ достигнуть этой цели. Предлагаемые «Основы» — тоже способ.

3. Гуманистические традиции русской культуры не спасли Россию от революции, гражданской войны, бесчинств ЧК, сталинских лагерей... Сегодня человек подошел к новой эре существования, к новым границам бытия. Мы пересматриваем пространственно-временные координаты, осваиваем виртуальные миры, мы, с одной стороны, стремимся к однородности, с другой — напряженно ищем свои истоки, потому что именно они питают нас. И толерантность — одно из условий существования этого нового современного мира, современного человека. Сейчас это максима, не подлежа-

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

шая обсуждению. У России и ее гуманистической традиции в этом вопросе есть колоссальный опыт, которым грех сегодня не воспользоваться.

4. Наверное, за счет порыва человека к подлинной культуре, а для этого нельзя лишать его свободы. Культура и свобода — плоды одного дерева. А этот порыв формируется образованием и просвещением. Задача просвещения в России еще с царских времен была основополагающей. Интернет, конечно, сравнял многое, но эта задача ему не под силу. Сложность ее связана еще и с колоссальностью размеров России, с ее синтетичностью, поликультурностью. И денег тут жалеть нельзя, это тот клей, который склеивает страну. Думаю, пункт первый, второй и третий в проекте «Основ государственной культурной политики» отвечают на этот вопрос в полной мере.

5. Эти задачи невозможно рассматривать отдельно от других государственных задач в области культурной политики, все взаимосвязано. Литературные журналы, библиотеки, театры и музеи — такое же достояние нации, как газ и нефть... Но важно не только модернизировать, но сначала сохранить в живой целостности то, что неоднократно приносило уже плоды и от чего в порыве обновления, начиная с 90-х годов, мы зачем-то пытались избавиться. Мне, как человеку литературному, конечно, ближе всего задача сохранения литературных журналов. Их миссия — в условиях жесткой коммерциализации книжного, издательского дела — только усиливается.

Александр Мелихов, писатель

Культурная самооборона

Обсуждаемый проект «исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности». Я же исхожу из совершенно другой парадигмы. Главной миссией национальной культуры я считаю не трансляцию ценностей, но *экзистенциальную защиту*, формирование красивого образа нации, ее истории, пускай сколь угодно трагической, но высокой, оправдывающей те неизбежные жертвы, которых, как и всякое коллективное дело, требует ее продление. Жертвы, заметим, в нормальных условиях немедленно возмещаемые, ибо упадок религии давно привел к тому, что едва ли не единственным средством преодоления экзистенциального ужаса, ощущения собственной мизерности и мимолетности перед лицом бесконечно могущественного и бесконечно равнодушного космоса у сегодняшнего человека сделалось чувство включенности во что-то могущественное и долговечное. Сегодняшнее государство выполняет не только социальные, но и экзистенциальные функции, а если оно перестанет их выполнять, у его подданных почти не останется мотивов приносить своему государству даже самые незначительные жертвы.

В государствах благополучных это пока что менее заметно, но для России, тем более в эпоху кризиса, неспособность государства обеспечивать экзистенциальные потребности россиян может сделаться причиной государственного краха. В такие

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

эпохи систему поддержки культуры и образования следует рассматривать как средство национального выживания.

В особенности культуру и образование высшего качества, мирового уровня — именно они в значительнейшей степени создают исторически долговечный позитивный образ страны, который и побуждает граждан гордиться и дорожить ею.

Попробую развернуть этот тезис.

«Россия гибнет, нужно что-то срочно предпринять!» — по этому выкриканию определяют своих в основном в национально-патриотическом лагере, поскольку лагерь либеральный больше озабочен правами индивида, чем участием общественного целого. Однако кризис целого по какой-то загадочной причине оказывается неотделимым от краха множества частных судеб: бегство от армейской службы, падение рождаемости, «утечка мозгов» идут рука об руку с алкоголизацией, наркоманией, преступностью, самоубийствами...

Увы, массовое бегство от общественных обязанностей не следствие кризиса, а его причина. Кризис социума прежде всего и заключается в массовом нежелании индивидов служить ему. А потому и главный вопрос выхода из кризиса — как возродить это желание?

Протофашистам и просто фашистам всех цветов радуги ответ прекрасно известен: людей надо как следует напугать. Напугать до такой степени, чтобы они кинулись служить в армии и просто служить, а главное не стремились сбежать в другие страны, в пьянство, в наркотики, в смерть... И вообще полюбили родину — ведь так естественно любить то, что внушает ужас!

Хорошо еще, что хотя бы либералы понимают, что ужас не способен породить ничего, кроме желания либо спрятаться, либо уничтожить источник ужаса. Нет, чтобы люди полюбили родину, им надо платить! Платить за то, чтобы они служили в армии, платить за то, чтобы они рожали и воспитывали детей, платить за то, чтобы они не уезжали, не пьянствовали, не кололись, а главное не убивали друг друга или хотя бы самих себя.

По-видимому все исчезнувшие государства и погибли из-за того, что их гражданам однажды недоплатили...

Своей иронией я вовсе не пытаюсь намекнуть, что России ничто не угрожает: и не такие царства погибали, как говаривал весьма неглупый Победоносцев. Но — в одной мудрой памятке психотерапевта, работающего с «кризисными» пациентами, рекомендовано прежде всего снимать чувство неотложности: именно в лихорадочной спешке люди и творят особенно непоправимые безумства. Однако это же в еще большей степени справедливо и для народов: именно в кризисных ситуациях необходима политика, поднимающаяся над острой злободневностью, взирающая на самые мучительные проблемы если уж не с точки зрения вечности, то, по крайней мере, с точки зрения их долговечности, включающая их в максимально широкий исторический контекст.

А в этом контексте творилось немало поучительного. Был великий Рим, державший под своей десницей десятки народов, и рассыпался в одночасье. И что самое удивительное — никакого пребывающего в рассеянии народа «римляне» тоже не осталось. Пока итальянцы для подкрепления собственного духа не начали воображать себя потомками римлян. А тем самым и действительно ими стали. Ибо главная жизнь человека, а народа тем более и протекает в их воображении.

И впрямь, римляне как народ исчезли, а покоренные ими евреи, изгнанные с

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

родины предков, остались. И через две тысячи лет, после невероятных испытаний вновь возродили собственное государство на Земле обетованной. Что их сохранило как народ? Греза. Ни на чем не основанное мнение о себе как о хранителе какого-то великого наследия, вершителе какой-то великой миссии. А у римлян этой грезы не было — была только могучая военная техника, могучая экономика, громадная территория...

Многократно, по-современному ускоренными темпами подобная история развернулась, можно сказать, на наших глазах. Был великий Советский Союз, державший под своей десницей десятки народов, и рассыпался в одночасье. И что самое удивительное — никакого пребывающего в рассеянии народа «советские люди» почти не сохранилось, а покоренные ими чеченцы, изгнанные с родины предков...

Народ сохраняют не территории, не богатства и не военная техника, народ сохраняют коллективные грезы, ни на чем серьезном не основанное коллективное мнение о себе как об огромной драгоценности, допустить исчезновение которой ни в коем случае нельзя. Поэтому всякий народ, которому действительно грозит исчезновение, должен прежде всего позаботиться об укреплении своих коллективных грез, ибо их укрепление — это и есть национальный подъем, а их ослабление — национальный упадок.

В этом и заключается экзистенциальная, историческая миссия культуры — она должна укреплять и развивать воодушевляющие коллективные фантазии, поддерживать в людях ощущение включенности во что-то прекрасное и бессмертное.

Но грезить о себе, когда в собственных глазах ты прекрасен, а в чужих мерзок, не только до крайности трудно, но и до крайности опасно, — очень скоро придется возненавидеть все человечество, не разделяющее твоего самоощущения, и внушать уважение к себе жертвенностью и террором. Гораздо надежнее творить реальные дела, способные поразить не только твое собственное, но и чужое воображение. И Советский Союз такие дела творил. Да, в пропагандистских, милитаристских целях, но творил — вышел в космос, открыл дорогу великолепным ученым, спортсменам, музыкантам, и пресловутая ностальгия по империи — это прежде всего не ностальгия по страху, который она внушала миру, а ностальгия по чувству причастности к чему-то великому и бессмертному.

Интересы индивида и социума не так уж и расходятся, ибо и государство, и личность питаются от одной энергетической системы — системы коллективных фантазий. Я готов с цифрами в руках показать, что алкоголизм, преступность, наркомания, самоубийства в огромной степени порождаются общей причиной — упадком коллективных иллюзий.

«Государство должно служить воображению, ибо человек и есть прежде всего его воображение», — примерно так можно сформулировать набросок новой политической парадигмы. Однако осуществить ее — систематически поражать воображение — невозможно без возрождения национальной аристократии, под которой я понимаю, разумеется, не графов и не миллиардеров, но творцов и служителей коллективных наследственных мечтаний. Еще раз подчеркиваю: *я определяю аристократию не через богатство или место в государственной иерархии, но исключительно через преданность каким-то наследственным мечтам.* В идеале, аристократы, когда у них появляются возможности, творят великие дела, порождая во всех остальных чувство и собственной неординарности, и собственной долговечности. Которое в своей стране возникает несопоставимо легче, чем в чужой. Иллюзию причастности к подвигам своих предков и соотечественников пробудить гораздо проще, чем к подвигам чужих.

Идентификация с ними и есть патриотизм. Гордиться подвигами, сострадать

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

несчастьям, стыдиться и желать искупить падения, отодвигая собственные злободневные нужды, взирая на них с точки зрения если уж не вечности, то долговечности...

Подобные чувства сегодня расхожий либеральный гуманизм заклеил бы как антидемократические, ибо демократично лишь то, что служит повседневным нуждам так называемого простого, массового человека; беспокоиться же о том, что оставит след в вечности, то есть в умах потомков, есть не что иное как аристократическая блажь. На это я могу возразить только одно: подобная трактовка гуманизма и демократии основана, в сущности, на отказе считать простых людей людьми. Слабость прагматического взгляда на человека вовсе не в том, что он низок или оскорбителен, — слабость его в том, что он чрезвычайно далек от истины. Прагматический взгляд на человеческую природу исходит из той посылки, что для человека физические ощущения неизмеримо важнее, чем душевные, психологические переживания. Тогда как дело обстоит скорее обратным образом.

Кто спорит, достаточно продолжительная пытка болью, голодом, страхом почти каждого заставляет рано или поздно забыть обо всех высоких фантазиях и мечтать только об одном — чтобы пытка прекратилась. Однако это вовсе не означает, что пытка вскрывает истинную сущность человека — пытка вовсе не обнажает, но *убивает* человеческую суть. А потому я предлагаю посмотреть на сегодняшние проблемы, с точки зрения того, какой след они оставят «в вечности», как они будут выглядеть в глазах потомков. Вполне возможно, наши ответы со временем превратят набросок новой парадигмы в реальную политическую программу.

Долговечным бывает только то, что поражает воображение, а в веках живут вообще одни лишь легенды. Поэтому, если Россия хочет жить долго («вечно»), ей абсолютно необходимы люди-легенды, события-легенды. Те, кого действительно ужасает стон «Россия погибает!», должны признать первейшей задачей культурной политики *формирование национальной аристократии*, расширение круга людей, мечтающих поражать воображение, свое и чужое, и этим оставить след в памяти потомков. Для этого необходимо всемерное расширение, особенно в провинции, сети школ для наиболее одаренных и наиболее романтических в науке, искусстве, в спорте, в военном деле... Впрочем, одаренность и романтичность часто одно и то же.

Так что же, вознегодует радикальный гуманист, простые люди, равнодушные к вечному и долговечному, должны снова служить сырьевым ресурсом творящих историю «великих личностей»? Отвечаю: *не нужно жалеть простого человека больше, чем он жалеет себя сам*. Разве не самые что ни на есть простые люди первыми голосуют за фашистов и коммунистов, сулящих им национальное и классовое величие? А эти российские язвы — пьянство, наркомания, бессмысленные убийства, самоубийства, — им что, больше всех подвержены какие-то аристократы духа? От невыносимой бессмысленности, бесцельности бытия страдают прежде всего люди ординарные, именно их в первую очередь убивает отсутствие хотя бы воображаемой причастности чему-то впечатляющему и долговечному.

Если смотреть с точки зрения вечности, между властью, аристократией и простым народом нет никаких непримиримых противоречий — они все не могут обойтись друг без друга. Медный всадник, попирающий маленького человека, — конечно, необыкновенно мощный образ. Но я уже не раз обращал внимание: Медный всадник еще и гениальное произведение искусства, к которому со всего света тянутся туристы. И потомки бедного Евгения из Читы и Чухломы считают делом чести сфотографироваться у каменной волны его постамента...

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

Ибо и у власти, и у аристократии, и у рядового человека есть общий могущественный враг — ощущение ничтожности и бессмысленности существования. И Медный всадник не только требует жертв — он еще и открывает гению путь к бессмертию, а жизнь обычного человека наполняет смыслом и красотой. Гений и толпа перед зданием Сената протягивают друг другу руку.

Именно гении наделяют жизнь толпы смыслом и красотой. Ориентация российской культуры и образования на возвращение гениев соединила бы в себе гуманизм с государственной целесообразностью. Пушкин и Чайковский, Менделеев и Левитан способствовали душевному комфорту россиян и территориальной целостности России никак не в меньшей степени, чем душевное потребление колбасы и жилплощади.

Влияние науки и культуры всегда было основано не на их электоральной силе, а на обаянии. Вернуть им былой авторитет — как и вообще внушить людям какие бы то ни было чувства, не приносящие лично им никакой материальной выгоды — хотя бы в какой-то мере способно только искусство. Обаяние «духа» было создано прежде всего поэтами в широком смысле этого слова — людьми, умеющими изобразить духовную деятельность чем-то прекрасным и возвышенным. Я склонен думать, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. *Воспевать достижения «духа» должны сами аристократы духа, по мере сил освобождаясь от занудства.* Боюсь, правда, что эта мера окажется весьма и весьма недостаточной и «духу» понадобится специальное пиар-агентство, в котором были бы сосредоточены мастера художественного слова и экрана, способные и понимать достижения науки и культуры, и увлекательно рассказывать о них.

Успехи науки и культуры — как раз те праздники, которыми при умелом преподнесении можно было бы встряхивать монотонное существование простого человека, а заодно вербовать новых романтиков. Но делается ли хоть что-нибудь в этом роде?

Всякое творчество питается прежде всего не деньгами, а бескорыстным восхищением, расходящаяся цепная реакция которого в конце концов и разрешается вспышками шедевров.

И вместе с всемирной славой гения резко вырастает престиж породившего его народа. Вырастить трех гениев в этом отношении выгоднее, чем удвоить ВВП. Кто, скажем, уважает Италию за ее средней руки достаток? А за Леонардо, Микеланджело, Ферми ее уважают, и еще как. Если вспомнить, что сегодня главной проблемой России на международной арене является недостаточный ее престиж в цивилизованном мире, а проблемой внутренней — неуверенность населения в достоинствах своей страны, легко прийти к практическому итогу: *образовательная и культурная политика современной России должна быть направлена на производство гениев.*

Соединив для этого усилия ученых и художников, которым в парламенте должна покровительствовать не демократическая, им не до того, но АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

Однако, увы, нет такой партии, все клянутся лишь приверженности к демократии, то есть в верности не гениям, но толпе.

Риск открытого декларирования гениальности и аристократизма как высших социальных ценностей заключается еще и в том, что они могут вызвать отторжение у гуманистических демагогов. Но это же вызовет сплоченность аристократического меньшинства, которому на первых порах важнее всего оценить собственные размеры и возможности. Когда же это меньшинство будет организовано, оно вполне сумеет смыть пятно «антинародности» рядом разумных акций, прежде всего открывая ряды

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

каждому, кто пожелает почувствовать себя неординарным, а затем даже и прямым отрицанием собственных лозунгов первоначального периода «бури и натиска».

Не исключая, слово «аристократический» слишком сильно ассоциировано с сословным обществом и крепостным правом — тогда новое движение может быть названо *ДВИЖЕНИЕМ КУЛЬТУРНОЙ ОБОРОНЫ*.

Культурная оборона особенно важна в эпоху информационных войн, главная цель которых — разрушить у противника чувство собственной красоты, а следовательно и правоты. Сейчас в некоторых кругах, расходящихся уже и до казенных циркуляров, модно утверждать, что Россия не Европа, а особая цивилизация. Другие же круги дают отпор: нет, мы часть европейской цивилизации! Дискуссия не может иметь конца уже потому, что никакого общепринятого определения цивилизации не существует, а лично я считаю цивилизацией объединение культур, связанных представлением о совместной избранности, связанных системой общей экзистенциальной защиты. Поэтому провозгласить свою принадлежность к престижному клубу недостаточно — нужно, чтобы и члены клуба ее признавали. Но что, если одни члены ее яростно отвергают, а другие колеблются?

Тогда те из нас, кто настроен на конфликт, настаивают на особом пути России, а те, кто настроен на сотрудничество, настаивают на культурном сближении с Европой: ведь богатая чужая культура может только обогатить! Я тоже настроен на сотрудничество, но согласиться с этим аргументом не могу. Ибо, еще раз, главная миссия культуры — экзистенциальная защита, защита человека от чувства беспомощности в безжалостном мироздании. Так что любовь к чужой культуре бывает для нас продуктивна, когда она укрепляет нашу экзистенциальную защиту, и контрпродуктивна, когда ее разрушает.

Давным-давно в Корее среди знати был сверхпрестижен китайский язык. В результате Корея осталась без высокой национальной литературы. В России когда-то был сверхпрестижен язык французский. Однако Россия сумела выдвинуть национальную аристократию, способную выдержать культурную конкуренцию с Европой. Национальная аристократия и есть лучшее орудие культурной реконксты, так что давно пора задуматься о широчайшей сети царскосельских лицеев, делающих ставку на самых одаренных и романтических.

Когда народу его собственная жизнь представляется недостаточно красивой, он деградирует как целое, а частные лица, не имея эстетического допинга, пытаются добираться до нормы с помощью психоактивных препаратов, а то и кончат с собой. Но кто-то стремится слиться с победителями, а кто-то, наоборот, пытается отвоевать оружием то, что проиграно в мире духа: международный терроризм — арьергардные бои культур, проигрывающих на всемирном конкурсе красоты. На этом фоне национализм, стремящийся лишь отгородиться, а не уничтожить источник культурного соблазна, выглядит вершиной мудрости и кротости.

Когда влечение к более блистательным культурам начало разрушать еврейскую религиозную общину, главный идеолог российских сионистов Владимир Жаботинский, европейски образованный талантливый литератор, объявил первейшей национальной задачей освобождение от влюбленности в чужую культуру — унижительной влюбленности свинопаса в царскую дочь. Когда ассимиляторы возмущались, что он, мол, тянет их из светлого дворца в темную хижину, Жаботинский отвечал, что не надо изображать свое предательство возвышенными красками; разумеется, чем обустроить родную хижину, приятнее перебраться в чужой дворец. Где, однако, вам не придется скрипеть зубами от унижения, ибо все дворцы обставлялись не для вас. Да,

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

в нашей истории больше страданий, чем побед, но кто, кроме нас, среди этих ужасов сумел бы не отречься от своей мечты!

Это были типичные идеи изоляционизма и национальной исключительности. Но когда другие энтузиасты заговорили о некоем еврейском евразийстве — мы-де построим государство, вбирающее в себя черты и Запада, и Востока, — Жаботинский дал жесткий отпор. Какие черты Востока — отсутствие светского образования и демократии, порабощение женщины? Новый Израиль должен обладать всеми европейскими институтами, без которых не может быть национальной конкурентоспособности. И по мере становления государства идеологические крайности были оттеснены прагматическими задачами национального выживания, которые постепенно привели Израиль в клуб так называемых цивилизованных стран, а он как будто этого и не заметил. Ибо научился относиться к чужому суду, как и завещал Жаботинский, «с вежливым равнодушием». А если бы он твердил себе: «Мы европейская страна, мы европейская страна», — то каждый эпизод, который бы демонстрировал, что европейцы любят себя больше, чем евреев (а в политике такие эпизоды неизбежны, ибо национальный и цивилизационный эгоизм это норма), — каждый такой эпизод непременно вызывал бы волну ненависти.

Этот «особый путь» сионизма в чем-то неплохо бы повторить и России: лучше не стремиться в тот клуб, где тебя принимают не слишком нежно, чем сначала обожать, а после ненавидеть. Пусть лучше туда приведет общность исторических задач среди общих новых вызовов, среди коих довольно назвать вулканическую исламскую грезу.

Не нужно бороться ни за то, что мы Европа, ни за то, что мы не Европа, — нужно вообще освободиться от привязки к этому ориентиру, даже бешеное отрицание которого говорит о его опасной сверхценности в наших глазах.

Не говоря уже о том, что в России есть национальные культуры, которые уже никакими натяжками не отнести к европейскому клубу, — надо ли туда втискиваться ценой не только унижений, но и раскола внутри собственной страны? Нам следует, напротив, понимать российскую национальную аристократию как аристократию имперскую, объединяя в общем пантеоне максимально возможное число культурных святынь всех российских народов и народностей. Я бы даже облегчил наиболее одаренным и пассионарным представителям национальных меньшинств «путь наверх» — их присутствие в элите одновременно и укрепило бы экзистенциальную защиту меньшинств, и уменьшило бы число лидеров, способных возглавить всегда тлеющие национальные недовольства.

И не нужно бояться, что «национальные выдвиженцы» потеснят русских: нас слишком много, чтобы мы серьезно это почувствовали. А вот если мы вместо потенциальных внутренних недоброжелателей обретем друзей — это будет очень даже серьезным вкладом в культурную оборону.

Андрей Столяров, писатель, культуролог

Создать спрос на культуру

Должен сразу сказать, что «Проект...» произвел на меня сильное впечатление. По прочтении его возникает абсолютно ясное чувство, что никакой культуры у нас в России не будет. Разве что культура, как уже бывало не раз, выживет чудом — вопреки всем заботам о ней со стороны власти и государства.

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

Очень показательна в этом смысле стилистика документа. Призывая к защите и развитию русского языка, «Проект...», вместе с тем, демонстрирует такой тусклый и невнятный чиновничий волапюк, что начинаешь «плыть» буквально с первых же строк. Некоторые абзацы мне приходилось перечитывать по два-три раза, прежде чем удавалось понять — что именно авторы сего произведения хотели сказать. И в большинстве случаев выяснялось, что — ничего, просто набор словесных оберток, внутри которого — пустота. Это очень напоминает постановления партии и правительства позднего советского времени: те же самые «улучшить», «повысить», «создать все условия», «принять необходимые меры»... И результат, вероятно, будет точно такой же.

На мой взгляд, это вообще не проект: здесь нет ни конкретных идей, ни иерархии целей, ни механизмов их достижения. Это просто нагромождение благих пожеланий в духе мечты одного литературного персонажа, «что хорошо бы построить этакий мост через пруд, и чтоб сидели на нем купцы и продавали товары, нужные для крестьян». Единственный проектный смысл документа, который мне удалось уловить, сводится к следующему: надо дать всем по сто рублей (больше в бюджете нет), и тогда культура у нас расцветет. Это типичный чиновничий симулякр, имитация деятельности, не имеющей никакой связи с реальностью. Даже если где-то, в очень небольшом количестве мест, и пробиваются сквозь бюрократические напластования слабые былинки мыслей, то очевидно, что им будет не прорасти: почвы для этого нет. «Проекту...» можно поставить диагноз «интеллектуальная анемия». Или — «когнитивный ступор, осложненный канцелярскими сумерками души». Другого диагноза у меня для этого документа нет.

Мне представляется, что если уж создавать проект по «основам государственной культурной политики», то исходить он должен не из традиционных бюрократических координат, а из тех крупных реперов, которые формирует сейчас реальность.

В самом общем виде ситуация, на мой взгляд, может быть обрисована так. От конкуренции мировых религий (католицизма, протестантизма, ислама) через конкуренцию мировых идеологий (фашизма, коммунизма, либерализма) мы перешли к конкуренции мировых экономик, которая и определяет собой нынешний постиндустриальный ландшафт.

В современном мире царствует экономика. Она заменяет собою все — веру, идеологию, национальность, культуру. Впрочем, даже не заменяет, а создает из них собственный мировоззренческий композит.

Сейчас, когда в значительной мере дискредитированы обе предшествующие доктрины, либерализм и социализм, явочным порядком, как плесень, которая проступает всегда и везде, утверждается в мире совершенно новое глобальное мировоззрение, формирующее такую же новую онтологическую среду.

Данное мировоззрение можно определить как давосский дискурс.

Давосский дискурс — это культура менеджеров. Это культура людей, говорящих, вне зависимости от национальности, на одном и том же «деловом языке», придерживающихся одних и тех же поведенческих «деловых стандартов» и исповедующих одни и те же универсальные «деловые ценности».

Главный критерий этой среды — эффективность. В давосскую среду входит тот, кто умеет быстро и без лишних эмоций извлечь прибыль из всего: из нефти, из демократии, из войны, из воздуха, из ничего. Никакие другие качества значения не имеют. Образованность, ум, культура, талант признаются лишь в том случае, если их сопровождает весомый денежный эквивалент.

Здесь своя ценностная шкала.

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

«Человек человеку враг», утверждал древний мир. «Человек человеку брат», провозгласило нарождающееся христианство. «Человек человеку никто», свидетельствует давосский дискурс и демонстрирует это повседневной практикой.

Если книгу читают все — это хорошая книга. Если все смотрят какой-то фильм — это хороший фильм. Если все покупают данный товар — значит это хороший товар.

Ни в коем случае не наоборот.

И никто не воскликнет наивно, по-детски, что «король-то голый»: книга плоха, фильм ужасен, товар никуда не годится.

А если даже воскликнет, его сочтут дураком.

Не может быть плохо то, что приносит доход.

Менеджеры — это элита среднего класса, это социальный ярлык той страты людей, которую ныне боготворят, как при социализме — пролетариат.

Средний класс — это наше все.

Это основа общества, фундамент устойчивого государства, законопослушный умеренный электорат.

Однако вспомним, что на другом языке средний класс — это мещане, то есть те, кто личное благополучие ставит превыше всего.

Мы вступили в царство мещан.

В эпоху активной, деятельностной посредственности.

В период обезличенного бытия.

Вот какой мир перед нами возник. Вот в чем заключается ныне глобальный вызов. И первоочередные задачи культуры, если уж рассматривать культурную политику как проект, следует формировать в рамках именно этих координат.

Что может Россия противопоставить «давосскому миру»? Если придерживаться вектора классической экономики, то — практически ничего. Со «вторичной индустриализацией» мы опоздали: для ее осуществления у нас уже нет ни средств, ни людей. К тому же следует иметь в виду одно принципиальное обстоятельство. В России более холодный климат, а также более длинные и трудные коммуникации, чем в большинстве индустриально развитых стран, нам всегда будет сопутствовать это дополнительное экономическое обременение. Производство в России всегда будет чуть менее эффективным, и если раньше, во времена автаркических экономик, это решающего значения не имело, то сейчас, в эпоху глобализации, даже ничтожная разница в стоимости производства постепенно вытесняет страну на хозяйственную периферию.

Опираясь исключительно на физические ресурсы, Россия всегда будет экономически отсталой страной. Иных перспектив у нее просто нет.

Однако история знает впечатляющие примеры, когда для развития были использованы ресурсы метафизические — особенности национальной культуры, вдруг обнаружившие высокую экономическую эффективность. В свое время, когда Япония вступила в период модернизации («революция Мэйдзи», 1868 год), обнаружилась на этом пути принципиальная трудность: в стране существовала специфическая каста воинов-самураев, которые, с одной стороны, никак не вписывались в модернизационный процесс, а с другой — представляли собой реальную силу, могущую пошатнуть, а то и свергнуть центральную власть. Был найден парадоксальный выход: самураев начали назначать исполнительными директорами (так бы мы определили эту должность сейчас) во вновь образуемые фирмы и предприятия. Каков был результат? Самураи привнесли в сферу управления этические характеристики комплекса «бусидо»: систему старшинства, безусловное исполнение долга, полное подчинение личных

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

стремлений интересам этих предприятий и фирм. Возникло то, что ныне называется корпоративной культурой, и во многом благодаря именно ей выросли гигантские японские корпорации, «дзайбацу», известные всему миру.

Считается, что именно дзайбацу сделали возможным японское экономическое чудо: превращение отсталой средневековой страны в одну из главных индустриальных держав. Эффективность корпоративного стимулирования, применяемого в дзайбацу, оказалась настолько высокой, что во второй половине XX века ее начали интенсивно заимствовать американские и европейские фирмы.

А теперь поставим простой и ясный вопрос. Есть ли в русской национальной культуре нечто такое, что могло бы обеспечить России мощный экзистенциальный прорыв? Вывести ее из ступора сырьевой стагнации и открыть перед ней перспективный онтологический горизонт? На простой и ясный вопрос можно дать такой же простой и ясный ответ. Да, такое качество в русской культуре есть, и оно уже давно отразилось в национальной культурософии. Это склонность нации не к прагматике, а к метафизике, склонность «двигаться на звезду», способность ради большой и интересной идеи забывать о собственном материальном благополучии. Во всяком случае, отодвигать его на второй план.

Это специфика именно русской культуры, и таковой особенностью ее, как мне кажется, не следует пренебрегать.

Теперь опять обратимся к истории. Когда в 1866 году прусские войска разгромили армию Австрийской империи при Садове, канцлер Бисмарк сказал, что «эту войну выиграла немецкая учительница». Подразумевалось, что качественный уровень немецкого солдата был значительно выше австрийского, что являлось следствием немецкого школьного образования. Вспомним, что советская модернизация образования, то есть последовательный переход ко всеобщему начальному, всеобщему среднему и затем — к массовому высшему образованию породил пассионарную волну инноваций, длившуюся более полувека, вплоть до 1980-х годов. Советский Союз создал легендарный танк «Т-34», систему залпового огня «катюша», атомную и водородную бомбы, первым вывел на орбиту искусственный спутник Земли, первым запустил человека в космос... Вспомним также, что политические, экономические и военные успехи Соединенных Штатов не в последнюю очередь были обусловлены систематическим включением в американскую нацию образованных людей — эмигрантов со всего мира. Интересно, что когда та же Япония после поражения во Второй мировой войне поставила перед собой задачу догнать (и перегнать) западные страны по уровню экономического развития, то акцент в культурной ее политике был сделан именно на образование. И аналогичную акцентированную образовательную политику проводил Тайвань в период своего бурного экономического роста.

Вот тот ресурс, который необходим современной России, и задействовать этот ресурс может только целенаправленная культурная политика государства.

Бессмысленно, на мой взгляд, как это предлагается в обсуждаемом здесь «Проекте...», «просто так» финансировать издательства, театры, библиотеки, выставки, художественные галереи. Кто туда будет ходить? Я иногда бываю в художественных галереях и что-то не замечаю там жаждущих толп, кроме, разумеется, приятелей автора, вынужденно пришедших на презентацию. Та же самая ситуация с чтением журналов и книг. Читать серьезную и качественную литературу будет только образованный человек. А тот, кто соответствующего образования не получил, пойдет на футбол или включит очередное идиотское телешоу.

Задача государственной культурной политики — формировать не предложение,

1. В чем вы видите главные цели государственной культурной политики? Что вам представляется наиболее важным в предлагаемых «Основах» и чем бы вы их дополнили?

2. Задачи культуры в эпоху цивилизационных разломов и информационных войн.

3. Гуманистическая традиция русской культуры и формирование современного сознания в многонациональном государстве.

масштабы которого и так избыточно велики и которое, будем откровенны, под маркой искусства часто предлагает всяческий суррогат, а создавать обширный и качественный спрос на культуру — формировать страту людей, не мыслящих вне культуры полноценного человеческого бытия.

Правда, формирование такой страты требует аксиологической трансформации. Вместо давосской идеологемы «быть успешным — это значит быть богатым», которая постепенно внедряется в национальное сознание россиян, необходима идеологема «быть успешным — это значит быть умным и образованным», а богатство (накопление денежных знаков) — не та ценность, которой стоит посвящать свою жизнь.

Вот какова, на мой взгляд, сейчас главная задача государственной культурной политики — выдвинуть на первое место образование и интеллект. Все остальное должно быть ориентировано на нее. И лично мне представляется, что никакой другой перспективы у нас нет.

Максим Шевченко, журналист

«На русской культуре можно основать братство, но нельзя государство»

1. Главные цели государственной культурной политики Российской Федерации это:

— содействие развитию собственно культуры во всех ее аспектах (искусство, музейная деятельность, книгопечатание, исследования и т.д.). Считаю, что государство не должно запрещать современные актуальные формы искусства, но и не обязано поддерживать то, что не считает правильным или внятным. Искусство развивается благодаря поддержке. Особенно современное и актуальное. Государство не должно препятствовать развитию рынка современного искусства и инвестициям в него;

— содействие культурному развитию каждого гражданина РФ согласно его запросам и потребностям. Государство не должно запрещать поиски и эксперименты, но не обязано их пропагандировать. Государственная политика должна быть направлена на пропаганду ценностей личного культурного развития в интересах развития общего — свободы, ответственности перед обществом, поиска справедливости, приоритета творческого труда над бессмыслицей потребления. То есть всего того, что изначально свойственно нашим народам;

— содействие развитию народов Российской Федерации как уникальных и неповторимых этно-культурных общностей. Каждый народ РФ, независимо от его численности, дорог и в равной мере ценен для нашей страны. Госполитика обязана учитывать интересы всех народов в равной мере и создавать возможности для выгодных инвестиций в их культурное развитие.

2. Культура всегда есть проявление человеческого перед лицом нечеловеческого — времени и истории с ее неизбежной смертью в конце. Культура есть способ защиты человека перед тем, что делает его лишь щепкой в водовороте событий. Культура выше информационных войн, которые являются лишь аспектом политики. Вопросы культуры (человеческое и нечеловеческое в их соотношениях) настолько выше всякого рода информационных войн и технологий, что задачи культуры в такие

4. Как обеспечить культуре приоритетный статус в социуме?

5. Задачи и пути модернизации школы и традиционных культурных институтов (библиотеки, театры, музеи, ДК культуры, литературные журналы и т.д.) в современных условиях.

эпохи — хранить содеянное, постигать настоящее и творить ради будущего. Других задач у культуры нет и быть не может. Цивилизационные разломы — вещь условная, равно как и цивилизация. Культура неизбежно будет разламываться вместе с цивилизацией. Но эти разломы плодотворны, если их не бояться и описывать их, фиксировать, направлять. Диалектика — сущность культурного развития. Кризис — источник творчества. Конфликт — основа сюжета. Как этого можно бояться? Культура жива, пока в ней нет страха. Иначе она, как и все человеческое, замыкается в себе и начинает полниться самовоспроизводящимися психозами. Умирает и энтропирует.

3. Существует заблуждение, что русская классическая культура якобы государственна. Почти все созданное в рамках госполитики романовской или сталинской империи — пусто, мертво, ходульно, дидактично. Русская культура — глубоко революционна. Она пронизана острым чувством поиска справедливости и смысла жизни. Даже консервативные творцы, по сути, бунтари — они не умещаются в государственные линии бюрократической империи. Русская культура всегда в поисках человека и его оправдания. Именно поэтому к ней так потянулись образованные представители других народов. Именно поэтому они так жадно впитывали ее гуманизм и экзистенциализм, находя в русских вопрошаниях и ответах о смыслах и путях человека, общества и мира важнейшие вехи собственного развития. Русская культура вся пронизана противостоянием человека Левиафану, государству. На русской культуре можно основать братство, но нельзя государство. Она не уместится в благоразумие бюрократии. Чиновники всенепременно начнут ее обкарнивать, укладывая в прокрустово ложе своих представлений о стройности государственного (всегда немного аракачеевского) мира. Поэтому если современное сознание будет формироваться именно на основе гуманистической русской культуры, а не на ее кастрированном суррогате (как обрезанный "Архипелаг Гулаг", например, изданный для верноподданнической новой России, должно быть, по версии издателей и чиновников, должной любить голубые мундиры, околыши и величие власти во всех его чудовищных проявлениях), то это сознание не будет ни верноподданническим, ни государственным. Проклятые русские вопросы вылезут из-под глыб законности и порядка и поразят "русских мальчиков" будущего в самые их сердца. Это неизбежно.

4. Культуру в социуме надо поддерживать сознательным и принудительным навязыванием ее хотя бы общих аспектов простому народу через доступные ему формы — в современном мире это, например, сериалы-экранизации, публичные культурные акции и т.д. Большинство людей реагирует на понятные и простые вещи и сюжеты. Искусство социальной интерпретации культуры, массовость ее — полезное дело, если существует не ради только наживы, но адресовано человеку и задачам его развития. Но элитарной культуре надо просто не мешать. Хотя бы потому, что мешать ей бесполезно. Подлинное все равно будет жить и развиваться, поскольку является одним из аспектов, проявлений человеческого в его полемике с нечеловеческим — смертью, временем, властью, верой и т.п. Культура имеет массу аспектов — и, в частности, антисоциальный аспект культуры также важен и значителен. Игра в бисер, непонятная и чуждая социуму, оказывается значимой для него спустя столетие. Культура не сводима к простым задачам обслуживания запросов социума. Иногда она отталкивается от ненависти к социуму и приходит к бегству из него и от него. Конечно, и в этом своем аспекте она будет рано или поздно социализирована — через включение в рынок, слияние объекта культуры с объектом торговли. Но такова диалектика общества и его развития.

5. Я считаю, что все учреждения культурной направленности должны получать базовую господдержку и иметь возможность свободного аккумулирования средств для собственного развития. Надо шире связывать их обязательствами с попечительскими советами, местным самоуправлением, регионами. Все формы развития хороши. Государство не должно мешать и по мере сил — поддерживать.

Эмиль Агаев, Тогрул Джуварлы

От Мейдана до Майдана

Беседы с другом

Никогда не известно,
Сколько судьбы в нас,
А нас — в судьбе...

Ян Збигнев Словеский

1. Ай да Майдан!

Э. А.: Тогрул, мы знакомы с тобой полвека — в пору юбилей отмечать, и уже в том возрасте, когда хочется порядка, устроенности, а нас вот «запихнуло» в такую мясорубку перемен... С одной стороны, это хорошо — стариться некогда. Но с другой — все так неопределенно, так мельтешит перед глазами, что за этим мельканием не видно смысла. Смотрю российскую «телеговорилку», напоминающую после Крыма кашу из русских сказок, выливающуюся из горшка и затапливающую все вокруг. К чему все это? Помнишь принцип Спинозы — «не плакать, не смеяться, не ненавидеть — а понимать!» Ты что-нибудь понимаешь? Я, признаться, нет! Разве что могу только воскликнуть: «Ай да Майдан!»

Т. Д.: Да, Майдан эхом прокатился по миру... Пока ясно только одно: мы на пороге нового мирового переустройства — Украина всколыхнула интерес ко многим вещам. К тому, как, скажем, у России будет голова болеть. Как крымчане могут пожалеть, что поторопились, захотев туда. Как могут пожалеть и украинцы, поскольку Запад едва ли даст им то, чего они ожидали... Если брать ту же Россию, то в России периодически идут споры о том, что надо избавляться от сырьевой зависимости. При этом те, кто говорят о большой России, считают: а что тут плохого? Мы — сырьевая страна, а чем больше страна, тем больше ресурсов, просто их надо превращать в правильные вещи. Но, что для меня очень существенно, в отличие от нас в России встречно существует и другое мнение. А именно: главная проблема России, может, даже ее проклятье, состоит в том, что она **ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ**. Экономисты говорят: хорошо бы, чтобы Россия была... до Урала! Остальное пространство пусть обживается вместе со всем миром. И разговоры эти ведут очень серьезные люди. Например, еще

Эмиль Агаев — писатель-публицист. Был собственным корреспондентом «Литературной газеты», заведующим Азербайджанским бюро АПН (РИА «Новости»). После распада СССР — колумнист ряда республиканских изданий, консультант независимых аналитических агентств «Кавказия» и ММС (Мюнхен, ФРГ). Автор ряда публицистических книг, кино-, телесценариев, путеводителя по Баку, вышедшего в Москве на иностранных языках, художественных переводов с азербайджанского. Член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана. Лауреат премии Золотое перо Союза журналистов Азербайджана.

Тогрул Джуварлы — родился в городе Гянджа, окончил физический факультет Бакинского государственного университета. Работал журналистом и сценаристом, последние годы является активным публицистом, политологом. В настоящее время экономический эксперт в независимом информационном агентстве «Туран». Принимал участие в многочисленных международных конференциях, касающихся вопросов экономики и политики в Азербайджане, а также является автором статей, опубликованных как в Азербайджане, так и за рубежом.

в 1995-м году в авторитетном журнале «Эксперт» аналитическая группа «Минтопэнерго» пришла к выводу: поскольку Россия очень холодная и очень большая страна, для того, чтобы ее развивать, нужно постоянно тратить все больше энергии и денег — с учетом одних только *энергопотерь!*

Э. А.: Плюс — дураки и дороги...

Т. Д.: Да. И все это — беготня, в которой ты все равно всегда будешь отставать. Как у Зенона! То есть серьезные люди говорят о том, что Россию нужно сузить! И вот в этот момент происходит Крым, Севастополь... Да, понятны мотивы — город русской славы, российский флот, курорт, то-се. Но при этом такое ощущение, что *не все просчитано* до конца. Политический эффект — да, рассчитан. Российское общество снова мобилизовалось, консолидировалось, это кажется ему чем-то замечательным, началом каких-то новых времен...

Э. А.: Ты подразумеваешь общество в широком смысле. Интеллектуалы, элита относятся к действиям России в Крыму как раз критически.

Т. Д.: Очень критически! А потом здесь есть и еще одна очень рискованная идея — *идея вызова*. Россия как будто не самая большая экономика в мире — два процента от ВВП, но она может вбросить миру какие-то новые глобальные игры.

Э. А.: Ничего себе новые — захват территории!

Т. Д.: Да, механизм запустили не новый — Россия стала больше. И может стать еще больше — юго-восток Украины, Приднестровье, Прибалтика, Кавказ... И что же? Снова восстановление империи? Ведь Ельцин Беловежским соглашением провел как раз обратную мысль — мол, России надоело поддерживать, кормить свои окраины. А сейчас что же — возвращение к старому.

Э. А.: Путин против Ельцина?

Т. Д.: В какой-то степени, в какой-то степени! И последствия этого сейчас очень трудно рассчитать. Все признают, игра *слишком крупная*. И, надо отметить, операция была проведена классно, все было сделано очень тонко. Она, Россия, не позволила дотянуть референдум до президентских выборов, передвигала сроки, и не раз. Почему? Да потому что торопилась. Понимала — если это не сделать быстро, как блицкриг, то что-то может застопориться, измениться...

Э. А.: Да и Запад что-то мог придумать.

Т. Д.: Конечно. Запад начал было консолидироваться, но, что называется, «не успели». И Путин не использовал ведь спецназ, войска — какие-то там «зеленые человечки», миражные фигуры. Все поначалу было легко. Но вот теперь выясняется, что предстоит очень трудная работа. Надо создавать новые инфраструктуры, чтобы оторвать Крым от Украины, многое другое. Вопрос крайне серьезный... Путин крупный политик, хотя и рискованный, за ним интересно наблюдать. До этого, смотри, — переговоры с мировыми лидерами, приезд их в Москву, принятие Думой закона о присоединении, везде он присутствовал. Но в Крым поехал все-таки Медведев. Понятно — он премьер-министр, а на повестке в первую очередь вопросы практические. Но для всех было крайне интересно — а когда приедет *сам*? Потому что его приезд в Крым символически — это полное, окончательное присоединение Крыма!

Э. А.: И опять же, как, с политической точки зрения, умело был выбран момент! Праздник Победы!

Т. Д.: Да, получилась вроде как «вторая победа». Почему он не спешил? Думаю, рассчитал этот момент, да еще хотел, чтобы все немного успокоилось. Крым, флот — эти темы практически уже закрыты, и хотя в Киеве продолжают говорить об этом, но и там все меньше. Сейчас главная проблема...

Э. А.: Ясно — федерализация Украины.

Т. Д.: Да. В этом направлении идет огромная работа. Я никогда не поверю, что люди в Харькове, Луганске, Донбассе сами включились в эту игру. Человеку свойственна осторожность, нежелание рисковать. Почему тамошние русские не протестовали ранее, на Майдане, почему они до последнего времени молчали? То есть действие *силы извне* — это очевидно!

Э. А.: Ну, а что теряет Украина, если она станет федеративной? В конце концов, и сама Россия — федеративная республика, и Германия, и Штаты — модель нормальная.

Т. Д.: В принципе, ничего не теряет. Это даже помогло бы несколько успокоить нацию, снять какие-то проблемы.

Э. А.: Отодвинуть на задний план национализм.

Т. Д.: Если рассматривать интеграцию через призму национальных самосознаний, то мы увидим различный уровень национализма в наших странах. Так, я согласен с Георгием Тархан-Моурави, когда он говорит, что грузинский национализм никогда не был направлен вовне и концентрировался на задачах поддержания этнического равновесия внутри страны, армянский национализм определенно ориентирован вовне, в том числе и на диаспору, а азербайджанский национализм всегда держит в уме ориентацию на тюркское единство и на соотечественников, проживающих в Иране. И это проблема — ментальная, психологическая. Она находит продолжение и в политических реалиях.

Э. А.: Ну, а там, где национальное самосознание только формируется, где нет чего-то всеобъединяющего, того, что называется национальной идеей, — как в Украине, в Белоруссии, — там федерализация, может, как раз и есть нужная политическая альтернатива? Украину и Молдову может спасти только федерализация, заявила омбудсмен Молдовы!

Т. Д.: Да, но в данном случае есть страх, исторический страх. Если Украина станет федеративной, то угроза того, что юго-восток на каком-то витке присоединится к России, резко возрастет. Ведь своими действиями российское руководство очень расширило понятие права на самоопределение. Поскольку изначально, после Второй мировой войны, как ты помнишь, все выглядело по-иному: живут колонизированные народы на своих территориях — на этих территориях они и реализуют свое право жить независимо. И тогда возникла куча новых государств. Это было нормально. То есть в самом начале не было и намека на расширение кем-то своих территорий. Это потом началось! Мне вспоминается странный опыт составления политической географии СССР в советское время. География должна была быть исторической и предполагала точные очертания границ республик СССР в определенные века, начиная с древних времен — хотя и государств тогда еще не было, а народы лишь формировались — и до наших дней. Делились горы, леса, границы вдоль рек.

Э. А.: Сама попытка делить то, чего уже не существует, что уже осталось в прошлом, была в каком-то смысле игрой с фантомами.

Т. Д.: С этой затеей распрощались, как только начал распадаться Союз или даже чуть раньше. Но рецидивы этих абсурдных исторических игр случаются. И события на Украине с очень сложной историей ее государственности — тому пример.

Э. А.: Прочитал в Википедии, со ссылкой на словарь Брокгауза и Эфрона, что связь названия «Украина» с понятием «окраина» возникла, когда ее земли были в составе вовсе не древней Руси, а Речи Посполитой. Хотя сами украинцы название своей страны выводят из украинского «країна», что означает просто «страна», «земля, заселенная своим народом». Но вот в свете украинского кризиса реанимируется церковно-византийский топоним «Малороссия» и российско-имперский — «Новороссия». И теперь, что же, Новороссия... противостоит Украине?

Т. Д.: С названием «Азербайджан» тоже нет однозначности, хотя и не в такой степени. И тоже — в силу сложности истории и полиэтничности населения. К слову, когда говорят о Кавказе, часто вспоминают родовую месть и прочую экзотику и куда реже — культуру разрешения конфликтов. А ведь она была, и — не только на межэтническом, региональном уровне, но и на уровне религиозных конфессий!

Э. А.: Что же, выходит, в результате Майдана сепаратисты, а не Украина, получили «главный приз»?

Т. Д.: Выходит так. И сразу возникают другие проблемы. Скажем, Абхазия на присоединение к России идти не хочет и никогда не захочет, разве что в случае острого кризиса. А вот Южная Осетия — могла б, она даже обращалась с этим к России, просто Россия сама не захотела. Почему? Не хотела — на тот момент! — показать, что забирает чужую территорию — раз. Не хотела появления воссоединенной Осетии — два. Ведь там существует постоянно тлеющий конфликт. Ингуши всегда жили в Южной Осетии, спорили с осетинами. А тут Осетия становится большой, баланс нарушается. Но здесь очень много и экономики. Дело в том, что Южная Осетия жила за счет рынка в

Эргенети — свободного, не облагаемого налогами. Этот маленький рынок обеспечивал семьдесят процентов доходной части бюджета, фактически Южная Осетия жила за счет этого рынка!

Э. А.: Аналог грузинского рынка в местечке Садахлы.

Т. Д.: Да. А с приходом Саакашвили это оборвалось! Он сделал это по соображениям национальной безопасности, но не только — существовало еще и мнение, что это мешает развитию Грузии. Ведь был брошен клич — либерализовать *свою* экономику, а эти приграничные «точки пересечения» мешали. Оба рынка закрыли. Вот Южная Осетия, оставшись, что называется, на бобах, и обратилась к России! А вообще-то для реализации идеи интегрированности надо вначале овладеть таким сложным искусством как *проектное политическое мышление*. Разрушение рынков в Садахлы или Эргенети было понятно с политической и экономической точек зрения, но вместе с ними были уничтожены ростки будущего Южного Кавказа, маленькие условные островки интеграции. На одной из наших встреч в Тбилиси прозвучала идея создать свободную экономическую зону там, где пересекаются границы Грузии, Армении и Азербайджана. Идея была отвергнута с порога, хотя кто сказал, что такие идеи нельзя прорабатывать, не ставя конкретной задачи *немедленно* создать такую зону. Должна быть постоянная оценка таких возможностей, так сказать, их теоретическая прорисовка. Исторического времени не осталось. Утопии, рациональные идеи для будущего и текущая политическая жизнь должны существовать синхронно, *сосуществовать*. Потому что только такой подход позволит держать перед глазами как текущие, так и грядущие перспективы наших обществ.

Э. А.: Идея федеративного устройства существовала на Южном Кавказе и после распада Российской империи, и после распада СССР. Я сам писал на эту тему, даже высказал такую мысль, что национальные автономии могли бы войти в южнокавказский союз на правах ассоциативных членов, на равных правах с республиками в решении каких-то общих вопросов, что могло бы остудить нынешние «горячие точки», в том числе Нагорный Карабах. Да и ты, Тогрул, выступаешь как решительный сторонник кавказской интеграции. Как ты думаешь, сейчас, после Крыма, это стало более реальным?

Т. Д.: Думаю, что да, более реальным. Потому что...

Э. А.: Все боятся российской агрессии?

Т. Д.: Конечно! Обрати внимание, политические наблюдатели тут же обратили внимание на то, что не так давно очень долго находился в Баку начальник генштаба Турции. Никогда прежде такого не было. Судя по всему, готовится, или во всяком случае обсуждается, военно-политическое соглашение между нами и Турцией, согласно которому любая агрессия против любой из стран, подписавших соглашение, воспринимается как общая угроза. На Турцию нападать, ясно, едва ли кто будет, речь о нас... И в случае, если Турция заключит военно-политический союз с нами, это в какой-то степени будет реакцией на действия России. Несмотря на близость взглядов Эрдогана и Путина в ряде вопросов — они ведь оба считают себя историческими фигурами, ведущими свои страны по правильному пути.

Э. А.: Ну, а мы, Азербайджан, правильно ли в нынешней сложнейшей ситуации себя ведем?

Т. Д.: Пока, с моей точки зрения, правильно. У нас очень осторожная внешняя политика. Мы все время боимся с кем-то рассориться. И это правильно. И посмотри: даже после того, как Азербайджан проголосовал против захвата Крыма, даже после этого Азербайджану дают в определенном смысле некую индульгенцию. Скажем, российский представитель в ООН, оказывая давление на все страны, в том числе и на нас, высказался в таком духе — а почему *даже лояльные* России страны, такие, как Азербайджан, проголосовали против?! Но, честно говоря, у Ильхама Алиева другого варианта просто не было. Тут и наши контакты с Западом, тут и общественное мнение — вся наша пресса, обрати внимание, за Украину!

Э. А.: А не подпортило ли это наши отношения с Россией?

Т. Д.: Чуть-чуть подпортило. Но сейчас все зависит от двух вещей. Как сама Россия выберется из трудной ситуации, как себя поведет, как далеко пойдет Путин. Следующего его шага не знает никто. Есть принуждение к миру, а есть, как это

происходит сейчас, *принуждение к федерализации*. Ну, а там, где есть принуждение, там есть и сила. Никто не исключает на сегодняшний день ввода российских войск в Украину, да и НАТО заявило о себе. То есть пошла игра на обострение.

Э. А.: Хорошо, наши власти правильно себя повели. А как наша российская оппозиция, однозначно поддержавшая Путина?

Т. Д.: Ты знаешь, для меня это продолжение старого правила — нельзя все яйца класть в одну корзину. Я допускаю, что представители нашей диаспоры действуют так не только потому, что они там, в России, живут. Срабатывает и то, что — надо же Россию как-то все время *успокаивать*. Чтобы политически она не воспринимала Азербайджан как враждебную страну. Здесь, у нас, общественное мнение за Украину, там — за Россию.

Э. А.: Хорошо, с российской диаспорой понятно. А правильно ли себя повели «украинские азербайджанцы»? Они ведь тоже не поддержали Майдан!

Т. Д.: На этот вопрос очень трудно ответить. Они, я бы сказал так, просто громко о себе не заявляют, не делают публичных заявлений. И на Майдане ведь тоже из них кто-то был! То есть, они ведут себя вяло, осторожно. А в России диаспора у нас более активна, хотя и здесь нередко оказывается в хвосте событий. Тут надо учитывать также и то, что, в отличие от армян, которые любую тенденцию четко просчитывают, проецируя на себя, а потом предпринимая какие-то действия, наша диаспора в Украине — да и в самой России — более молодая, не такая сплоченная и опытная.

Э. А.: А что ты скажешь о влиянии украинских событий не только на Россию, но и на нас, скажем, на нашу экономику?

Т. Д.: События в Украине, вроде бы, прямо не сказываются на нас. Но они, конечно, влияют, и нельзя сказать, что только негативно. Так, Киргизия уже заявила, что, поскольку в Украине сахарная промышленность просела, она готова покупать сахар у нас. Интересное заявление. Непонятно, чем это кончится, но — это прозвучало. А самое главное — значимость Азербайджана на карте мира заметно выросла. Снова заговорили об азербайджанском газе, о том, что Азербайджан *очень значимая* страна для Европы, Америки... Но, понимаешь, хитрость и нечистоплотность политики состоит также и в том, что иногда включаются совершенно неожиданные соображения, которые к нам, вроде бы, никакого отношения не имеют, но в конечном счете, как оказывается, имеют. Америка не хотела бы, чтобы существовала Европа от океана до океана. Это сказал еще де Голль — о Большой Европе, от Франции до Владивостока. Включая, понятно, Россию. Сейчас по понятным причинам вписывать Россию в Европу трудно, хотя и есть у них совместные комиссии. Но — такой вот глобальный проект был заявлен...

Э. А.: То есть, и европейцы, не только Путин и Назарбаев, за Большую евразийскую идею! Каждый тянет одеяло на себя...

Т. Д.: В принципе, да. Но сейчас пошла игра на противостояние. И все понимают, что, если Украина порвет с Россией, Россия тут же потеряет огромную часть своего влияния. Потому что Украина и Белоруссия были для нее щитом, некой *буферной зоной*. Ведь у самой России после распада СССР протяженность границ с Европой очень невелика. Она мгновенно теряет свою значимость!

Э. А.: А это, если говорить об экономике, не только ревизия многих хозяйственных связей, их «новый разворот» — и для России, и для самой Украины. Это и импульс к саморазвитию. Недавно я смотрел информацию на одном из российских каналов — объявлена очередная всеобщая диспансеризация населения. Но, что интересно, диктор несколько раз повторил: надо всем, во всех медицинских учреждениях пользоваться *только* российскими медицинскими препаратами и оборудованием. Ничего импортного, даже шприцев! Можно воспринимать это как нечто комичное, учитывая нынешнюю мировую завязку всех на всем. Но, если учесть теперешнюю российскую эйфорию, то не может ли это быть и неким толчком к экономическому *самоподъему*, скажем так?

Т. Д.: Может, может! И на это они рассчитывают. Когда страну изолируешь, она — да, встречается с рядом трудностей, но и начинает *искать себя*, получает импульс к внутреннему развитию! За примерами далеко ходить не надо. Вот Иран сколько времени был под эмбарго — и иранская экономика, представь, сильно подтянулась.

Это помогало многим другим странам, не только Ирану, в том числе и России. Например, в 1998-м — азиатский кризис. Но — взрыв российской экономики, бум внутреннего производства. В 2008-м история повторилась. И вот сейчас на пороге — новый кризис. В силу уже не мировых тенденций — действий *самой России*. И снова та же «палочка-выручалочка»!

Э. А.: То есть это уже просматривается как мировая тенденция. Раньше казалось, поскольку есть глобальный мир, глобальный рынок, никакого смысла производить что-то у себя нет. Ситуация стала меняться?

Т. Д.: Да. В рамках глобальной экономики некоторые страны стали финансовыми резервуарами, куда все кладут свои ценные бумаги. Кажется, вроде бы: так всегда есть место, где в случае кризиса можно взять деньги. Но кризис 2008 года многое изменил. Обама, помнишь, заявил, что надо развивать промышленность. Страна — да, должна выходить на внешний рынок, но она должна создать и свой базовый рынок, производить товары для внутреннего потребления. Все глобальное — это хорошо. Но на каком-то витке может оказаться, что ты слишком зависим. Ты какую-то пуговицу не можешь произвести. Даже в такой великолепной, экономически процветающей стране как Норвегия стали говорить, что она поступила неправильно, когда в силу нефтяных доходов стала убирать некоторые промышленные кластеры. Свое, может, не так прибыльно, зато долговременно, а главное — помогает уберечься от внешних угроз. И на постсоветском пространстве — скажем, в Казахстане — так же активно проводится идея диверсификации экономики.

Э. А.: Я воскликнул в начале нашей беседы — ай да Майдан! А еще в слове «майдан» можно было бы вычленить восклицание — «МАЙДАН». Айда! Но куда? С кем? Остается только надеяться, что это движение не только в темное прошлое, и уж тем более не к гражданской или даже мировой войне, о чем сейчас пишут. Хочу процитировать заключительные слова одной из твоих статей¹: «Можно сколько угодно представлять будущее страны в позитивном свете. Но надо помнить, что судьба стран или каких-то регионов складывается иногда очень причудливо. А цена ошибочных или просто несовершенных шагов для развития страны иногда очень высокая. Наихудшая перспектива для нас — оказаться однажды в ряду несостоявшихся стран. Эта перспектива кажется сегодня почти невероятной. Но и такое случалось в мировой истории.

Эволюционное развитие общества обычно диктуется самими обществами. Но гарантирует такое развитие, в первую очередь, позиция правящего политического класса, осознающего неизбежность перемен».

2. «Наперегонки с Апокалипсисом»

Э. А.: Вот уже Одессу в интернете кто-то назвал «украинским Сумгаитом». Казалось бы, параллели между первым, еще в рамках Советского Союза, карабахским национал-сепаратизмом, вызвавшим к жизни стотысячный Мейдан на площади Азадлыг в Баку, и киевский Майдан с последовавшим сепаратизмом украинского юго-востока — казалось бы, эти параллели просто «слуховые». Ведь и масштабы, и время — все другое. Если Мейдан был вызван сепаратизмом, то Майдан, наоборот, породил сепаратизм! И тем не менее, какая-то перекличка есть. Хотя бы с точки зрения *трагизма* всего происходящего. Как сказал еще во времена СССР Збигнев Бжезинский, «исторический оптимизм уступает место апокалипсическому пессимизму». И здесь я припоминаю — на одном из форумов, в которых, ты, Тогрул, участвовал, ты высказал такую мысль: главное — это не проиграть войну до построения своей государственности. Ты отметил, что Гейдар Алиев в целом справился с этой задачей.

Т. Д.: Да, именно так. Хотя перемирие — это еще не победа, но и не окончательно проигранная война! Ильхам Алиев продолжает строительство экономически сильного государства; благо — нефть, газ...

¹ Советское наследие 22 года спустя: преодоление или консолидация. Сборник статей. Баку, 2013 г.

Э. А.: Отметил ты и другое, то, что среди азербайджанской интеллигенции есть мнение: любое мирное решение по Карабаху — это удар по нравственности. Мол, если земля отторгнута силой, силой же надо ее вернуть. Еще одна твоя мысль — причина того, что у нас на Южном Кавказе самое слабое общество, хотя не так давно оно было, напротив, самым сильным, состоит в том, что конфликт, потеря земель ослабили внутреннюю свободу нашего общества.

Т. Д.: Знаешь, я даже не помню, когда я, пацифист по натуре, это сказал. Я, наверное, имел в виду всеобщую оскорбленность азербайджанцев, ощущение какого-то коварства больших держав, а затем и чувство бессилия. А чувство бессилия всегда порождает национальные комплексы. Хотя собирались огромные площади, но бессилие изнуряло, ты становился «меньше». Наверное, так. Я люблю, анализируя что-то, копаться в старых публикациях. Вот тот же журнал «Новое время» от 2004 года, о чем он пишет? О том, что замороженные непризнанные государства не будут разморожены. И это надолго. России, мол, это не нужно.

Э. А.: А оказалось нужно! В свете пеструемой сейчас Москвой идеи о реставрации СССР. Может, они были заморожены как раз с этим прицелом?

Т. Д.: Не-а! Ельцин едва ли об этом думал. Он был сочетанием царя («царь Борис»), но и демократа. Скорее всего, он просто думал: если постсоветские страны будут уходить, давай-ка я там-то, там-то оставлю тлеющие угольки, и когда будет надо, чуть-чуть подолью бензинчика, чтобы вспыхнуло, а потом сам же и стану «тушить».

Э. А.: Чтобы не лишиться своей «главной роли», чтобы зависимость была.

Т. Д.: Да, просто зависимость. Ничего не присоединяя. И это правильно. Америка-то тоже ведь ничего к себе не присоединяет. Только борется за сферы влияния. Территории как таковые ей до фени! Империи сегодня держать просто накладно! Вот, листая старые журналы, наткнулся на собственную статью 95-го года о религиях в сборнике, изданном в Москве. Там я с изумлением писал о том, что Саудовская Аравия строит мечеть в Тюмени. Сам себя спрашивал: что это означает? Сибирь. Далеко. Да и строить там трудно, земля мерзлая, стройматериалы дорогие, дороги плохие. Зачем? Я тогда высказал предположение, что она, Саудовская Аравия, чувствует себя колыбелью ислама. И думает: так, через ислам я буду присутствовать везде, даже в Сибири. Построила мечеть — значит, я там немножко есть. Ведь тогда не было ни «исламского терроризма», ни нынешнего «столкновения цивилизаций», все это возникло потом. А сейчас выясняется: Саудовская Аравия, опьянев от денег, претендует на очень серьезное место. И в нынешнем мире, где каждый старается установить в рамках своих возможностей какое-то господство — французы через культуру, американцы через мощь, китайцы через трудолюбие — Саудовская Аравия, с одной стороны, контролирует источники нефти (если Россию или кого-то там захотят прижать, сделают это, в частности, через нее и Катар), значит, у нее есть экономические рычаги. Это первое. Второе: ей важно просто увеличить число мусульман. Потому что важнейшей статьей ее дохода является хадж, паломничество. С третьей стороны, с ней начинают считаться крупные страны. Был даже такой образ: мол, на Ближнем Востоке Америка — голова, а Саудовская Аравия — шея; куда шея повернется — туда и голова. Обама вот не поленился, поехал уговаривать саудовского короля поддержать санкции против Москвы. И, наконец, четвертое — по порядку, но не по важности — это терроризм. Новый феномен, которого раньше не было!

Э. А.: Не было в таких масштабах.

Т. Д.: Да, были обычные войны. Страшные. Разрушительные. Но привычные миру. И вот прошло... сколько, всего 20 лет? И сейчас терроризм — одна из самых злободневных мировых проблем!

Э. А.: Держать мир в страхе.

Т. Д.: И хотя в Саудовской Аравии говорят, что у них ваххабизм другой, но — другой не другой — он существует.

Э. А.: Причем официально!

Т. Д.: В той статье ощущался у меня какой-то восторг — ислам продвигает свою изысканную культуру, то-се. А оказывается — совсем другое... Тут есть очень тонкие вещи. Например, сейчас обнаружилось вдруг — со второй половины XX века — что в мире идет процесс... *обесценивания жизни!* И он так резко усилился, этот процесс, что

к нему как бы уже привыкли, его уже не так замечают, как раньше! Не знаю, может быть, это порождение двух больших войн, которые затем разбились на локальные конфликты в разных уголках земли. Но сегодня сотни тысяч людей умирают от всяких терактов, взрывов бомб, а мир смотрит на это как на что-то обычное и даже неизбежное. Очень опасное привыкание!

Э. А.: Более того. Обрати внимание на сам феномен террористов-смертников. На востоке он пропагандируется как нечто высшее, святое, а на западе борьбу с ним сделали... бизнесом! На эту борьбу выделяются огромные деньги, использование которых, в условиях строгой секретности, трудно контролировать. Я не говорю уже о том, что террористы, захват заложников, взрывы, погони и прочие шекочущие нервы зрителям сюжеты не сходят с экранов телевизоров. То есть бизнес-политика, шоу!

Т. Д.: Да. Можно как-то понять кураж тех, кто врезался в «близнецов». У психологов появилось даже объяснение того события как особого типа суицида: когда я хочу умереть, но хочу, чтобы со мной умерли и другие люди, много людей. Вспомним тот самый самолет из Малайзии, который потерялся... Одно из объяснений — пилот с семьей крупно рассорился и был склонен к этому самому суициду, влекущему кроме самоубийства большое количество жертв. Я умираю, но хочу забрать с собой еще триста пассажиров. С точки нормальной логики — совершенно непонятно. Умираешь — умирай. Зачем тебе брать остальных?

Э. А.: Это и раньше бывало. Секты. Конец света, коллективная смерть... Но то были лишь отдельные странные эпизоды.

Т. Д.: Они как бы укрепляли веру. Но они уносили меньше народу, это было нечто локальное, частное. Важно было держать секту в подчинении! А тут взрываются самолеты, в машины подкладываются бомбы... Те же «пояса смертников».

Э. А.: Причем среди террористов оказываются не только «прирожденные» мусульмане. Помнишь взрыв автобуса в Волгограде? Смертницей оказалась некая Асиянова. Но кто инструктировал ее, кто и ранее организовал еще ряд терактов? Соколов. Русский человек. Ушел в лес, принял веру... Вот это и получило название — суицидальный ислам! Но это существовало и до ислама. Харакири, камикадзе... А ведь большинство из тех молодых пилотов-смертников не были фанатиками.

Т. Д.: Но что самое интересное: раньше мы думали, что есть большая Америка, большой Китай, большая Россия — и есть плохо живущие маленькие народы, азиатские, мусульманские. И им со странами-колоссами бороться незачем и нечем! Первым это табу нарушил Вьетнам. Напомню масштабы — во Вьетнаме было сброшено бомб больше, чем за всю Вторую мировую войну на всех фронтах. А народ выжил. Выжил он, потому что стал геройским. Включилась психология: выживание наперекор всему! Не только на поле боя. Вспомни, как они научились скрываться в подземных убежищах. Оказалось, что вьетнамцы очень воинственный народ. Оказалось, что он тоже может дать отпор, бросить вызов большим странам.

Э. А.: Но это — у японцев, вьетнамцев — было на уровне национальном.

Т. Д.: А теперь, когда появились смертники-террористы, оказалось, что большие страны уязвимы и перед *одиночками*. Огромная страна — перед маленькой кучкой людей. 30 человек. Где огромная страна, где 30 человек? То есть, выяснилось, что прежние представления — я сильнее, а потому я решаю — зачастую уже не работают!

Э. А.: Позволю себе процитировать замечательного политолога, с которым и я был знаком, а ты, Тогрул, был близок, — покойного Дмитрия Фурмана. Это цитаты из его статьи «Наперегонки с апокалипсисом (Международный терроризм порождает всемирную власть)». Вот пара выдержек: «Всемирной террористической угрозе может противостоять только "всемирная спецслужба", так же не знающая границ, как не знают их террористы. Но совершенно очевидно, что эффективность подобных спецопераций и спецслужб ограничена». Необходимо «создание целостной системы всемирной власти, в конечном счете — единое мировое государство. Это — четко обозначившаяся "повестка дня" XXI века». А это, в свою очередь, предполагает «элементы патернализма и диктата, навязывание либеральным меньшинством тех норм, без которых погибнут все».

Т. Д.: Дмитрий Фурман мыслил всегда широко и глобально. А вообще-то это невероятно интересная тема — что стало с индивидуумом в XXI веке. Потому что с

одной стороны есть идея прав человека, которую породили Запад, христианство. Идея, которая отдельного индивидуума поднимает, говорит, что он — каждый человек на земле — самоценен. Идеи индивидуализма просачиваются даже в ислам, не исключено, что можно говорить о начале исламской реформации. Так вот. Ты даешь индивидууму какое-то право. Но есть индивидуум, который материализует это свое право, изготавливая бомбу, беря в руки автомат. И это не только мусульманин, как пишут на Западе. Это и тот же «норвежский Бен-Ладен» Брейвик, и какой-нибудь свихнувшийся от наркотиков или от личной обиды американский школьник, который врывается в класс и расстреливает соучеников и учителей... То есть, с одной стороны, идет атомизация общества. А с другой — частное иной раз становится массовым. Какие волнения прокатились на арабском континенте — арабские революции! Революции, которые ни к чему хорошему не привели, ничем не закончились...

Э. А.: В каком-то смысле спонтанные революции, обреченные на поражение, — тоже род «суицида»!

Т. Д.: Вот-вот. Нам ничего не жалко, даже самой жизни, положим голову на плаху. Главное: в XXI веке, когда появились невиданные прежде технические возможности, возвращение к средневековой идее смерти — это поразительный анахронизм. Что-то очень болезненное, нездоровое. Это как циркумаллионы, секта, существовавшая на заре христианства. В ней могли потребовать самоубийства — во имя новой религии.

Э. А.: А ты не находишь, что произошли какие-то изменения в самом понятии соперничества, схватки, даже войны?

Т. Д.: Что ты имеешь в виду?

Э. А.: То, что, если в схватках гладиаторов, рыцарей было еще что-то человеческое, что-то от честного соревнования, мужского единоборства, когда сам бой был зрелищем, да и в случае поражения смерть побежденного зависела от публики, то есть от своего рода демократической процедуры голосования — поднятым или опущенным вниз большим пальцем, — то ныне не зря появились «бои без правил». А война — это уже не только армия на армию, техника на технику, теперь она, война, еще как бы разбивается на «мелкие осколки», на «мини-войны». На войны смертников-одиночек!

Т. Д.: А почему? Во-первых, понятия долга, чести, благородства — все это уходит. Повсюду. То есть такие феномены прошлого, как романтизм, героизм, тают на глазах. Доходит почти до смешного. Некоторые американские социологи говорят, что старое поколение американских политиков — до Трумэна и чуть позже — было не чуждо понятиям долга и чести. А сейчас их сменили в элите «бобо» (есть такое слово): люди образованные, интеллектуальные, но уже более циничные, без старомодных понятий, к тому же не лишены склонности к гедонизму. А мы ведь даже не догадывались об этом. Однако здесь есть и другое. Дело в том, что вся экономика XX века — это экономика войны, экономика, которая была построена на войне. Более того — и технический, и прочий прогресс, развитие той или иной страны сейчас тоже построено на войне. На развитии военных технологий, которые потом используются в иных целях, в интересах общества. И получается совершенно дурацкая вещь. Машина запущена. И каждый раз для того, чтобы в экономике сделать что-то хорошее, какой-то рывок, надо обязательно усовершенствовать оружие. В принципе, все можно было бы и так развивать, не через войну. Но через войну легче, тут драйв больше, и технологии развиваются быстрее. Идут деньги, которые государство дает. Это по сути нечто чудовищное! Именно поэтому Федерико Майор, помнишь, призывал перейти от экономики войны к экономике мира.

3. *Замайданье*

Э. А.: Уже уходит приставка «евро» к слову «Майдан», он стал явлением более чем украинским или даже европейским. Сейчас Майдан — это Океан, океан проблем, новых и старых, — как муть, поднятая со дна брошенным в воду камнем. Проблем и всеобщих (отношения гигантской по территории и духовному потенциалу России с

миром всегда были на виду у всех), и проблем наших, своих. А потому, Тогрул, я бы назвал происходящее так: Послемайданье, или же, точнее, *Замайданье*. Имея в виду не только переключку со словом Зазеркалье из «Алисы в Зазеркалье», но и со словами из пушкинской поэмы — «...там на неведомых дорожках следы невиданных зверей». С поправкой в последнем случае: «следы невиданных проблем».

Т. Д.: Сегодняшнюю злобу дня, да, можно назвать Замайданьем, как и страной «неведомых дорожек», с этим я согласен. Многое сейчас совершенно неясно, куда и как идем и куда придем. Замайданье — это закулисье политики, которое нам открылось во всей красе своего «зазеркалья». Оказывается, распад бывшей империи продолжался все эти годы, а мы наивно полагали, что остались просто очаги этого процесса. Или вот права человека, самоценность личности — замечательные вещи. Но Проханов говорит, что с помощью прав человека Запад разрушает государство, а это — «крыша», под которой живет и развивается эта самая самоценная личность. А дальше логичный пафос: создать вокруг России сплошные редуты и бастионы, чтобы не дать разрушить эту «крышу». И уход в *имперское величие*. Такая вот постоянная переоценка понятий, релятивизм ценностей.

Э. А.: Ощущение того, что Путин хотел бы заключить обратно в разбитый кувшин империи вылетевшего из него «джинна независимости», не покидает всех. Пусть это даже не Советский Союз — Евразийский. Хотя, к слову, Дмитрий Лихачев считал, что византийско-скандинавский, то есть вертикальный стержень и есть ось культуры России, а вовсе не горизонтальный, не евразийский. А Украина, замечу уже от себя, как раз и расположена на пути «из варяг в греки»!

Т. Д.: Я не стал бы делать акцент на этом — империя, границы, в мире происходят более глобальные вещи. Ведь и демократия переживает сейчас известный кризис. Это как со всеобщими избирательными правами человека. Замечательное завоевание. Но оно дает огромную возможность манипулировать обществами, и не только в авторитарных режимах. Не случайно все чаще с ностальгией вспоминают времена избирательного ценза, когда в выборах участвовали те, кто реально участвует в политике. Демократия сейчас напоминает взлетевшую на небо телегу из фильма Эльдара Шенгелая «Чудаки». Эта виртуальная телега из воображения художника переместилась на экран. Демократия имитируется средствами массовой информации и политической риторикой. По верному замечанию одного историка, для грузина слово «Родина» имеет вполне конкретный смысл, тогда как «государство», скорее всего, отвлеченное понятие, которое ассоциируется разве что с бюрократическим аппаратом. С государством человек встречается в суде или в полицейском участке. Вот смотри, Турция — страна с хорошими демократическими традициями. Но помнишь, как во время событий в парке Гези Эрдоган постоянно ссылался на «сандыг» (избирательную урну) как на главное доказательство своей поддержки со стороны народа? А президент Гюль публично возразил ему, что демократия — это не только выборы, но еще и свобода собраний и многое другое.

Э. А.: То есть тут еще и вопрос: демократия — это целостный институт или из нее можно «извлекать» отдельные элементы и этого достаточно?

Т. Д.: Я уже оставляю за скобками надоевшие истории с бородами кончитами, которых объявляют символом новой свободы человека. Но, возвращаясь к твоему объяснению названия нашей сегодняшней беседы, как и к «следам невиданных проблем», скажу — тут я решительно не согласен! В том-то и дело, что проблемы как раз «виданы» (как в принципе «видано» и то, как их решать!). Просто сейчас они, эти проблемы, снова всплывают на поверхность, воспринимаются — на фоне событий в Украине — куда больше и острее, чем раньше. Смотри, некоторые украинские политики рассчитывали, что Россия войдет на Украину и внешняя интервенция мобилизует общество. А получилось наоборот! С подачи России возникло «партизанское» движение юго-востока, и теперь оно даже грозит распространить это движение на запад Украины. Одинаково сочувствуешь людям и в той, и в этой части Украины. А за кулисами политики делают свое дело. В ход пускается все: наряду с «фашистами» из Киева заговорили о «рашистах» с юго-востока. А слова как похоже звучат! Говорят о порушенных правах человека, масса лжи и пропаганды. Здесь ведь все не просто. В том числе и в нашем Закавказье, как называли наш регион в советские времена. Тоже,

к слову сказать, с приставкой «за», как и «За-зеркалье». Только как бы снисходительно, взглядом из Кремля, сверху вниз.

Э. А.: То, о чем я только что сказал, — будто Путин хотел бы заключить обратно в разбитый кувшин империи вылетевшего из него «джинна независимости», кажется сомнительным. Хотя бы потому, что это разрушительно для самой России. А вообще-то нынешний мир Зазеркалья полон не только каких-то полусказочных, фантастических идей, просто абсурда. Кажется, что сейчас *все возможно*.

Т. Д.: Идут два мощных процесса. Мир глобализуется, объединяется, и почти с такой же скоростью в нем возникают новые демаркационные линии. Любой интегративный проект вызывает скепсис, зачастую подозрительность. Начинается немедленный поиск того, против кого направлена очередная интеграционная идея, да она и вправду зачастую становится добычей политиков. Но не меньшую подозрительность вызывают дезинтегративные процессы. Например, поощрение агрессивного сепаратизма. Все чаще говорят о сознательном или бессознательном стремлении США чуть ли не удвоить количество стран, входящих в ООН: для более легкого управления миром через хаос. На уровне реальной политики все эти тенденции легко прослеживаются в постоянной конкуренции двух позиций: права наций на самоопределение, которое становится особенно опасным в мире, где нарастают миграционные волны (в мозаике любого государства имеются теперь обязательные островки из колоний мигрантов), — и требованием сохранения территориальной целостности государств. Плюс ко всему существует еще и проблема разделенных народов, которая предельно усложняет эту картину. Дробление мира начинает казаться просто бесконечным, а манифестация национальных идентичностей повсеместной. Национальные иллюзии концентрируют наше внимание только на себе и отвлекают от объединительных трендов, хотя формальная приверженность европейскому пути декларируется чуть ли не всеми.

Э. А.: Отсюда вопрос — как же при такой путанице нам идти дальше по пути обретенной независимости? Ведь именно национальные иллюзии стали в свое время причиной поражения нашего Мейдана на площади Азадлыг, как и, по сути, поражения украинского Майдана сейчас, в наступившую эпоху «Замайданья», назовем ее так?

Т. Д.: Самое главное, я думаю, сейчас — *гибкость*, умение слушать и воспринимать ситуацию во всей ее сложности, умение что-то менять и меняться самим. И это важно сейчас не только для Киева, для всех нас. Тот же Путин — в чем его отличие от других авторитаристов? Он как раз гибкий. Он государственный деятель, как и Ельцин. И если с Крымом, с Украиной у него не обломится, он что-то придумает. Каждый раз он придумывает какие-то крупные игры — я меняю Россию, я создам империю, я бросаю вызов США, я остановлю войну в Сирии... Понятно, что Россия — страна большая. Но он по натуре такой. Ельцин в какой-то степени был политическим романтиком. В отличие от Путина или Гейдара Алиева.

Э. А.: Гейдар Алиев умел прислушиваться к людям, умел слушать...

Т. Д.: Слушать он умел замечательно. Терпеливо. Обдумывая что-то свое. Но для него то, что строптивцев должно быть меньше, имело значение, а для Путина, может, и имеет, но не в такой степени. Может, это связано с масштабом России. Но по тактике *политической целесообразности* — да, этому он, как говорят, учился и у Алиева!

Э. А.: Один российский политолог недавно написал: сила Гейдара Алиева была в том, что он *умел меняться*, об этом еще ранее говорил и ты. В связи с этим я вспомнил один эпизод, связанный со смелым и даже героическим, если иметь в виду обстановку, царившую в зале, — его прерывали, шумели, топтали ногами! — выступлением Гейдара Алиева на сессии парламента в Баку в начале 90-х, после того, как он, попав в немилость к Горбачеву, переживал трудные времена, переехал из Москвы в Нахчыван. Когда объявили перерыв, я подошел к нему — он стоял обособленно, все сторонились его — и пожал ему руку. И, сказав пару приятных слов в поддержку, вдруг, неожиданно для самого себя, спросил: «А что будет, Гейдар Алиевич, как вы думаете, с нашими коммунистическими идеалами?» Как сейчас помню — Гейдар Алиев тут же изменился в лице, строго посмотрел на меня и сказал жестко, как отрезал: «С этим кончено!»

Т. Д.: Да. Существуют люди, остающиеся такими, какими они были всегда, не меняющие своих убеждений и взглядов, обладающие талантом оставаться всегда

собой, — и люди, обладающие *другим талантом*: как раз умением меняться. Тут же уточню: не в смысле измены своей природе, самим себе, а в другом — в смысле развития, роста. Для политика это крайне важно. Умение постоянно меняться, реагировать на новые вызовы.

Э. А.: Как и Путин, наверное.

Т. Д.: Да, в какой-то мере — да. Да, нефть, тучные годы... И все же при нем Россия, как говорят экономисты, зажила как никогда в ее недавней истории. Но политика мстительна. Достаточно потерять слух на внешние сигналы, на «гул» общества — и все можно потерять вмиг. И Украина может оказаться таким *моментом истины*.

Э. А.: Вместе с тем, как написал в Фейсбуке наш соотечественник, писатель Камал Асланов, проживающий сейчас в Канаде, «одна надежда на стихию. Сегодня по всему миру, что в Украине, что в Йемене, протестное движение сильнее своих лидеров, оно может снести или сохранить любого...»

Т. Д.: О нынешнем мировом кризисе лидеров — а он очевиден — немало писали. Но можно ли надеяться на стихию? В ней много разрушительного. Разве только в одном случае: если она обнаруживает в себе способность к самоорганизации.

Э. А.: Это практически невозможно!

Т. Д.: Но в целом стихия протеста отражает усложнение мира. Так, на недавней конференции, посвященной двадцатилетию Бишкекского протокола, политолог Зардушт Ализаде сказал: все формируется в Вашингтоне, в Москве, в кабинетах. Чертятся какие-то графики: войдем на Украину — не войдем... То есть, вся политика запланирована какими-то кругами. Я остаюсь при твердом убеждении, что никакой специальной конспирологии как таковой нет — то есть глобус, мол, делят между собой отдельные страны, что-то еще... Есть нормальная история. Политики делают свою каждодневную работу. Но мир меняется, меняются технологии, меняются границы стран. Меняется характер общества, оно становится менее потребительским — более потребительским. Мы больше знаем теперь друг о друге — идет глобализация. И люди меняются. А когда люди меняются, они начинают чего-то хотеть в рамках своего *нового статуса*, который обрели. Неосознанно. Тогда что-то и начинается — взрывается араб-ский мир, взрывается Украина... К управляемому хаосу можно иногда подвести. Но часто он развивается по собственным законам. То есть в истории все это есть. Не было ни у кого специального проекта, прописанного до деталей сценария — мол, ага, Евросоюз говорит: «Сейчас мы активизируем вопрос ассоциативного соглашения с Украиной, а дальше все пойдет как по писаному. В финале Янукович бежит, а друзья-либералы занимают власть в Киеве. Москва испугается занять Крым, потому что мы можем подвинуть войска НАТО еще ближе...» Но смотри, все в один голос (включая Москву) говорят, что никто не знал в январе, что так получится с Крымом.

Э. А.: Москва сыграла на опережение!

Т. Д.: Не только Москва. Может, и Европа свою лепту внесла. Все же это она стала торопить. Ведь ничего особенного, что заставляло Европу суетиться, думать, что прямо сейчас надо заключать ассоциативное соглашение, не было. Это и через год можно было сделать, ничего страшного. Но, понимаешь, она увидела в Украине проевропейские настроения, вот и заспешила. Вызвав чрезмерную активность Киева и стихийный протест юго-востока. Хотя, знаешь, заметная часть Донбасса, Харьков, Одессы, как отмечают украинские политологи, тоже хотела в Европу, это сейчас, когда все уже далеко зашло, все так преподносится, что, мол, тамошние русские изначально не хотели. Неправда это! Очень даже хотели, вообще в Европу все хотят.

Э. А.: Россия сама хочет.

Т. Д.: И Россия хочет. Проблема возникла с появлением националистов, но и они были неизбежны. Всегда, когда есть майданы-майданы, есть и радикалы, от этого никуда не денешься. Моя мысль заключается в том, что внешние силы — Америки, России, Франции, Британии — они включаются тогда, когда процесс *уже пошел*.

Э. А.: Хотя изначально они что-то и замыслили.

Т. Д.: То есть возникает некий новый вызов истории, и он начинает раскручиваться. И когда уже чуть-чуть раскрутился, кто-то прибегает первым и пробует управлять хаосом. Америка, Россия... У США это всегда получалось лучше. Они ищут в хаосе

новые возможности, потому что лучше знают общество, и — вопреки известному представлению — не только свое. В конце концов, и ключи от информационного общества у них (на это последнее время жалуется Россия), и сетевыми технологиями они пользуются успешнее. Здесь надо быть справедливым, определенные ценности в США формировались десятилетиями и столетиями (а потому там у многих вызвало решительное неприятие нарушение демократических процедур после бегства Януковича и перехода власти к раде!). И она, Америка, хочет спроектировать эти ценности на весь мир. Но у США есть и государственные интересы — например, надо поддерживать высокий уровень экономики и стандарты жизни во имя поддержания той же демократии. Задачи продвижения демократии в мире и государственные интересы не всегда совпадают. А демократия иной раз становится инструментом реализации государственной политики, теряя при этом свои ценности.

Э. А.: С этого момента уже начинается конспирология!

Т. Д.: Хотя, как говорил тот же Дмитрий Фурман, я не очень-то верю во всю эту дребедень — геополитика, геостратегия. Я знаю, что есть история. Есть спонтанные процессы, которые развиваются по своим законам, даже когда кто-то подтолкнул их, и есть люди, которые пытаются эти спонтанные процессы обуздать.

Э. А.: Но бывает, что история где-то, на какой-то окраине мира как бы «застывает». Наглядный пример — Карабах. Двенадцатого мая исполнилось двадцать лет с момента прекращения огня в войне между Азербайджаном и Арменией — договоренности о перемирии, которая вошла в историю под названием Бишкекский протокол. Но не случайно агентство «Туран», в котором ты служишь, перепечатало в этой связи аналитику, которую оно дало десять лет тому назад, в связи с десятилетием Бишкека. И вправду — что изменилось?!

Т. Д.: Карабах — это отдельный разговор. А Бишкек... Это ведь тоже что-то из сферы «Зазеркалья». Я с интересом узнал, например, что аутентичного текста соглашения в Баку и Ереване нет, хотя для любого соглашения это обязательно. У нас текст с оговорками экс-спикера Расула Гулиева, а у армян — текст, под которым три подписи: Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха. А все же это двадцать лет худо-бедно работает. Хотя перестрелки на линии фронта, как известно, все еще случаются и люди — причем не только военные! — гибнут...

Э. А.: Может, как-нибудь в другой раз, Тогрул, мы поговорим с тобой и на эту тему? Как и на другие такие же «замшелые», как Карабах, темы?

Т. Д.: Может быть...

* * *

Хочу вспомнить в заключение замечательные слова английского поэта и священника XVII века Джона Донна, ставшие, как известно, эпиграфом к известному роману Хемингуэя: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

По ком, в связи с чем звонит колокол Киева? К пожару? К войне? К празднику? К трауру? Бог весть...

Ясно только одно: он, этот колокол, звонит сейчас (в большей или меньшей степени, прямо или косвенно) по каждому из нас!

И это, как я думаю, главный или один из главных сюжетов нынешнего «Замайданья»...

Эмиль Агаев

Февраль-май 2014.

г. Баку